

***ВОСПЕВШИЙ
БАМ***

О жизни и творчестве Владимира Гузия

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

ВОСПЕВШИЙ БАМ

О жизни и творчестве Владимира Гузия

Информационно-методические материалы

Благовещенск 2020

Воспевший БАМ : о жизни и творчестве Владимира Гузия : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2018. – 176 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 11).

Составитель : В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгоруков
Верстка и дизайн : М. И. Гнускова

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Содержание

От составителя	4
«ПРОЖИЛ Я ЖИЗНЬ ХОРОШУЮ, НЕЗЛУЮЮ...»: жизненный и творческий путь Владимира Гузия	7
«СЛОВА ИМЕЮТ СВОЙСТВО ВОПЛОЩАТЬСЯ...»: поэзия Владимира Гузия	19
«Я дорогу потрогал руками...»: поэтическая летопись «трассы века»	19
«Сверяясь с пушкинской строкой...»: образ А. С. Пушкина в поэзии В. С. Гузия	71
«Писать о жизни – главная задача...»: Владимир Гузий о природе творчества, сущности поэзии и роли поэта в обществе	103
«ТВОЙ ОНЕМЕВШИЙ ЗВОНКИЙ БАМ...»: Владимир Гузий в воспоминаниях и оценках современников	139
«ТОЛЬКО В ТЫНДЕ ПРОСТОРНЕЙ И ПРОЩЕ...»: методические рекомендации к изучению жизни и творчества Владимира Гузия на уроках литературного краеведения	157
Урок литературного краеведения. Тема: «Городские мотивы в лирике Владимира Гузия»	157
ЛИТЕРАТУРА	166
Произведения В. С. Гузия	166
Литература о жизни и творчестве В. С. Гузия	172

От составителя

*И понял я за много лет
Средь будней тяжких и весёлых:
Посёлку нужен свой поэт,
Поэту нужен свой посёлок.*
Владимир Гузий

Владимир Свиридович Гузий (24.01.1956 – 13.04.2009) – известный бамовский поэт, драматург, журналист.

За три с половиной десятка лет объездил и обошёл всю трассу БАМа от Усть-Кута до Ванино. Строители «трассы века», талантливые деятели культуры и спорта Тынды и восточного участка магистрали стали главными героями его стихотворений, репортажей, газетных и телевизионных очерков.

Поэтические произведения публиковались на страницах журналов «Огонёк», «Знамя», «Литературная учёба», «Дальний Восток»; более чем в 30 коллективных сборниках и альманахах («Приамурье», «Золотое звено», «Цветы багульника», «Стыковка», «Вдохновении» и др.); в газетах «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Неделя», «Амурская правда», «Амурский комсомолец», «БАМ», «КВИН» и др.

В. Гузий оставил яркий след в жизни Байкало-Амурской магистрали. Его хорошо знали не только строители и железнодорожники, но и золотодобытчики и геологи. Он много писал как журналист газет «БАМ» и «Дальневосточная магистраль» о людях БАМа, практически создавая летопись легендарной стройки.

Всесоюзную известность Владимиру Гузию принесло стихотворение «Лучшая дорога нашей жизни», строки которого легли в основу известной песни «Последнее звено» (музыка С. Хмелевской), ставшей гимном строителей БАМа. Со слезами на глазах исполняла эту песню Татьяна Денисова на сцене легендарного тындинского Дома культуры «Юность» в дни торжеств по случаю укладки «Золотого звена» магистрали, прозвучала она и в Киноконцертом зале «Россия» в Москве на праздновании 25-летия БАМа.

Строка из песни – «Лучшая дорога нашей жизни» – стала названием фильма о строительстве Байкало-Амурской магистрали (1984, режиссёр А. Воропаев).

В документальном фильме «БАМ. В ожидании оттепели» в отрезке 00:03:46 – 00:03:55 звучит голос В. С. Гузия.

Творчество Владимира Гузия до сих пор недостаточно изучено, а между тем его стихи имеют большую ценность: обладают особой поэтичностью, глубиной и одновременно простотой; раскрывают события, происходящие с нами и со страной доступным языком; заставляют задуматься о, казалось бы, совершенно обыденных вещах. Каждый, взявший в руки книги тындинского поэта, испытает радость от соприкосновения с поэзией, стремящейся к совершенству. На наш взгляд, правильно и справедливо охарактеризовать поэзию Владимира Гузия можно словами Олега Головки: «Мы вписали нашу строчку в биографию страны».

О творчестве Владимира Свиридовича написаны критические заметки, юбилейные статьи, но достойной писателя книги о его жизни и творчестве пока нет.

Предлагаемые информационно-методические материалы представляют личность Владимира Свиридовича Гузия, освещают основные вехи его жизни и творчества, определяют значимость его художественных произведений.

Данный сборник состоит из четырёх разделов.

В первом – «Прожил я жизнь хорошую, незлую...» – прослеживается жизненный и творческий путь Владимира Свиридовича Гузия, создавшего неповторимый художественный мир.

Во втором разделе – «Слова имеют свойство воплощаться...» – анализируется поэтический мир Владимира Гузия, обозначаются тематика, проблематика, поэтика, система образов и мотивов его художественных произведений. Стихотворения разноплановы по тематике, жанровой принадлежности, композиции, речевому оформлению, но объединяет их, делает узнаваемыми из сотен других яркая эмоциональность, личностное отношение автора ко всему, о чём он пишет, и собственное видение проблем, о которых идёт речь в произведениях. Поэт создаёт свой мир, который не оставляет равнодушным никого: ни хорошо знающих его творчество, ни впервые прикоснувшихся к родникам души мастера слова. Произведения Владимира Гузия приятно просто читать потому, что он ничего не навязывает читателю, в его поэзии отсутствует назидательность, нет готовых формул и рецептов, зато есть много недосказанностей, как в разговоре с уважаемым и умным человеком. Он считает нужным обращаться к разуму и чувствам каждого конкретного читателя, от этого его стихотворения приобретают искренность и проникновенность.

В третьем разделе – «Твой онемевший звонкий БАМ...» – своими воспоминаниями о Владимире Свиридовиче и оценками его творчества и писательской судьбы делятся его друзья, близкие, коллеги, учёные-филологи.

Четвёртый раздел – «Только в Тынде просторней и чище...» – содержит урок литературного краеведения на тему «Городские мотивы в лирике Владимира Гузиева».

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения В. С. Гузиева» и «Литература о творчестве В. С. Гузиева».

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей. Материалы сборника могут использоваться читателями и сотрудниками библиотек в разнообразных целях: для удовлетворения краеведческих запросов; для проведения библиографического информирования по краеведению; для выявления необходимых материалов при подготовке и составлении пособий, сборников, альманахов и других изданий краеведческого содержания; для организации краеведческих мероприятий; для обогащения школьного учебно-воспитательного процесса краеведческим материалом, в основу которого положено творчество Владимира Гузиева.

Данные информационно-методические материалы являются одиннадцатым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «Воспевший БАМ: о жизни и творчестве Владимира Гузиева»; фрагменты изданий В. С. Гузиева; фотографии поэта; видеозапись «Памяти Владимира Гузиева» (автор – А. Дюкарев).

«ПРОЖИЛ Я ЖИЗНЬ ХОРОШУЮ, НЕЗЛУЮ...»: жизненный и творческий путь Владимира Гузия

*Чтоб я делал и кем бы мог стать,
Если б не было стройки в стране?*
Владимир Гузий

*Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою полностью прошли.*
Владимир Гузий

Владимир Свиридович (по паспорту Свиридонович) Гузий родился 24 января 1956 года в посёлке Кандагач (ныне город Октябрьск) Амурской области Казахской ССР. Детство и юность прошли на станции Петров Вал Волгоградской области, появившейся на картах страны в августе 1942 года благодаря строительству Волжской рокады, на возведение которой пошли рельсы и мостовые конструкции, снятые с уже построенных участков БАМа.

С детства Гузий серьёзно увлекался астрономией. После школы решил поступать в Московский государственный университет, чтобы изучать звёздное небо профессионально, но не прошёл по конкурсу.

В 1973 году начал трудовой путь учеником электрослесаря в Камышинском районном отделении «Сельхозтехника» Волгоградской области.

В 1974 году БАМ был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Тысячи молодых людей отправились на Дальний Восток, чтобы внести свою лепту в строительство одной из крупнейших железнодорожных магистралей в мире, имеющей огромное значение для экономического и стратегического развития Советского Союза.

В июле 1975 года по комсомольской путёвке в составе ударного отряда «Волгоградский комсомолец» Владимир Гузий прибыл на строительство ветки Малого БАМа Тынды-Беркакит на место будущей станции Могот. За годы жизни на БАМе освоил множество профессий. Работал лесорубом, художником-оформителем. В 1976 году переехал в Тынду, где трудился электромонтажником, слесарем, монтером связи, научным сотрудником музея истории БАМа, учителем.

лем русского языка и литературы, журналистом, режиссёром теле-студии «Тында ТВ». Выпустил 30 документальных фильмов о знаменитых жителях и предприятиях города Тынды. С 28 февраля 2005 года и до своей кончины 13 апреля 2009 года Владимир Гузий служил корреспондентом дорожной газеты «Дальневосточная магистраль» в тындинском отделении Дальневосточной железной дороги.

Но главным делом жизни Владимира Гузиева стала литература. Ещё в школе он писал стихи для команды КВН, пользовавшиеся большим успехом. В полную силу поэтический талант Гузиева раскрылся на БАМе. Как бамовский поэт он обрёл всесоюзную известность.

Владимир Гузий – член литературной студии «Звено» (с 1976), участник трёх Общетрассовых семинаров молодых литераторов БАМа (1977, 1978, 1983), VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1979). Владимир Гузий был участником всех литературных мероприятий в Тынде. Участвовал в творческих встречах (на крейсере Тихоокеанского флота «Александр Суворов», сентябрь 1981 года) и поэтических вечерах (вечер памяти В. Маяковского в Тынде в июле 1976 года).

В 1986 году Владимир Свиридович заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького, семинар Ларисы Николаевны Васильевой.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 сентября 1987 года Владимир Гузий был награждён медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали». Такой высокой награды удостоивались активные участники строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, железнодорожной линии Бам – Тында – Беркамит, второго пути железнодорожной линии Тайшет – Лена, объектов производственной базы и жилищно-гражданского назначения за хорошую работу на строительстве, высококачественное выполнение проектно-изыскательских работ, добросовестный труд на предприятиях, в учреждениях и организациях, обслуживающих непосредственно строительство и строителей. Медалью, как правило, награждаются рабочие, инженерно-технические работники и служащие, проработавшие на строительстве и по его обслуживанию не менее трёх лет.

В 2000 году, в 25-летний юбилей города Тынды, решением городского Совета депутатов за активную работу в культурной и обществен-

ной жизни столицы БАМа Владимиру Свиридовичу Гузию было присвоено звание «Почётный гражданин города Тынды». Столице БАМа Гузий посвятил стихотворение «Тында», в котором признался: «Я в себе целый город таскаю. Тында всё-таки не отпускает».

Синий сумрак плывёт над Москвою.
Пахнет жжёной листвой и покоем.
А ещё – непонятной тоскою.
И совсем уж неясно – тайгою.

«Тында» значит «тебя отпускаю»,
Есть на свете речушка такая,
А над ней – удивительный город.
Не пойму ещё сам, чем он дорог.

Не пойму, почему туда тянет...
То нахлынет, то снова отпрянет
Среди гама зелёное эхо:
«Почему ты в столицу уехал?».

Затихает Арбатская площадь...
Только в Тынде просторней и проще.
Там и люди понятнее, ближе –
Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что-нибудь знаю,
Словно к тайне земной припадаю.

Звёздный пояс повис над Москвою.
Пахнет жжёной листвой и покоем.
Я в себе целый город таскаю.
Тында всё-таки не отпускает.

О масштабах литературной деятельности на БАМе Владимир Гузий знал непонаслышке. Поэт проделал колоссальную работу по сбору произведений о «стройке века», написанных как её участниками, так и профессиональными поэтами из разных городов Советского Союза. О том, насколько богаты притрассовые города и посёлки прозаиками и стихотворцами, В. Гузий написал в стихотворении «Тетрадки» на выход антологии Бамовской поэзии «Цветы багульника»:

Шли мы где-то прямо,
шли мы где-то криво,
Где-то очень верно,
где совсем не так.
А посмотрим скромно
на свои архивы:
Всё-таки не прав был
в чём-то Пастернак.

Все-таки я помню
чудные мгновенья,
Как я двое суток
душу вытрясал,
Чтоб монтёр упрямый
мне без сожаленья
Подарил тетрадку,
где он написал,

Как пекут картошку
в углях лесорубы,
Как идёт на смену
Вовка Снеговой,
И хорошей песней
согревает губы,
И ля всей бригады
создаёт настрой.

И таких тетрадок
я собрал немало,
С Хурмули до Лены
БАМ исколеся.
Бамовские песни...
Звёздное начало...
И казалось, стройка
сочиняет вся.

Нет, не зря я кланчил
вырезки-тетрадки.
Честная работа
до строки нужна.
Кончится разруха.
Будет всё в порядке.
И о БАМе вспомнит
чуткая страна.

И какими были,
и какими стали –
Всё отобразили
в строчках без затей.
Если б не работа,
мы бы написали
Мощные поэмы...
Только БАМ
нужней.

Итогом многолетней работы стало издание сборников стихов поэтов БАМа «Золотое звено» (Тында, 1999) и антологии стихов о БАМе «Цветы багульника» (Новосибирск, 2004), посвящённые юбилеям строительства магистрали. В сборник «Золотое звено» вошло 270 стихотворений 130 авторов. «Цветы багульника» на сегодня, пожалуй, самая полная антология стихов о БАМе, написанных за тридцать лет с начала истории строительства великой дороги

и самими участниками стройки, и приезжавшими сюда в творческие командировки из разных городов Советского Союза профессиональными поэтами. В сборнике опубликованы стихотворения и отрывки из поэм 128 авторов.

В историю культурной жизни БАМа Гузий вписан не только как талантливый поэт, но и как летописец «стройки века».

В 1993–1994 годах он опубликовал в газете «БАМ» несколько статей под общим названием «Пикеты памяти», посвящённых 20-летию Байкало-Амурской магистрали. В них Гузий увлекательно рассказал об известных строителях БАМа – людях разных профессий: изыскателе Александре Побожем, режиссёре и основателе театра «Молодая гвардия» Александре Байкове и др.

В 2003 году Владимир Гузий выступил в качестве составителя книги «Тында. От оленьих троп до столицы БАМа», рассказывающей об истории небольшого посёлка Тындинского, появившегося в конце 1920-х годов на месте строящейся Амуро-Якутской автомобильной магистрали и стремительно превратившегося к началу 1980-х в молодой город благодаря строительству уже другой магистрали – железнодорожной Байкало-Амурской. Тында всегда была прочно связана с БАМом – в начале 1930-х годов, когда здесь высадились первые изыскатели и первые строители – узники БАМЛАГа, и в середине 1970-х, когда на БАМ с большими надеждами и радостью ехали посланцы комсомола. Не все надежды сбылись. Но вырос красивый город, по новой дороге идут поезда. О тех людях, благодаря которым вырос город, рассказывают авторы этой книги – старожилы, строители, журналисты, поэты.

Летом 2004 года в Новосибирске в издательстве «Наука» вышел в свет первый персональный сборник стихотворений В. Гузиев «Образ действия: к 30-летию начала строительства БАМа». Помимо бамовских в сборник вошли стихи о любви, творчестве, природе. Книга иллюстрирована чёрно-белыми фотографиями.

Сразу же вслед за первой поэтической книгой В. Гузий издал второй сборник «Пересечение дорог» (Тында, 2004). Это позволило поэту в 2005 году вступить в Союз писателей России. Книга «Пересечение дорог» – о духовных предтечах, на творчестве которых Владимир Гузий учился мастерству слова – о судьбах Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета, Толстого, Некрасова, Северянина, Мандельштама, Пастернака, Куприна, Есенина, Маяковского, Волошина, Булгакова, Ахматовой.

В 2008 году вышла книга стихотворений «Чукчуду» (Новосибирск). В ней Гузий предстает перед читателем как поэт-гражданин, судьба которого тесно связана с судьбой страны. Третья книга тындинского поэта состоит из нескольких разделов: «День брусники», «Лучшая дорога нашей жизни», «Дорога на Кондар», «Цветы у зимовья», «Странные люди», «Пересечение дорог», «Горжище», «Эхо», «Голубика». Сборник стихотворений прекрасно иллюстрирован. В раздел «День брусники» вошли стихотворения о детстве поэта, о его малой родине и самых близких людях: матери, отце, брате, жене. Раздел «Лучшая дорога нашей жизни» – своеобразная поэтическая летопись «трассы века». В раздел «Цветы у зимовья» вошли стихотворения, посвящённые амурским поэтам: Валерию Черкесову («Вокзальная скамейка»), Владимиру Юринскому («Поэт»), Надежде Пузыревской («Серебряная колея»), «Гамаре Шульге», «Жанне Ржевской», «Виталию Лукашенко», Александру Симакову («Совещание молодых писателей»), Виктору Яганову («Рабочий поэт»), Алексею Воронкову («Тонкие книжки»), Игорю Игнатенко («Стезя», «Метеорит»), Олегу Маслову («Книга врача»), Александру Бобошко («Гость»), Григорию Шумейко («Глядя на звёзды»), Владиславу Лецику («Меж амурских вагантов...») и др. В разделе «Пересечение дорог» поэт вспоминает имена классиков русской и мировой литературы: Ахматову, Гюго, Есенина, Маяковского, Мольера, Пушкина, Рождественского, Шекспира и многих других. В разделе «И юность ушедшая всё же бессмертна...» читатель найдёт фотографии, представляющие Владимира Свиридовича как поэта, участника «стройки века», путешественника, человека, влюблённого в столицу БАМа, и, наконец, как заботливого отца сыновей Антона и Владимира и любящего мужа. Книга вышла под редакцией автора, её тираж составил 300 экземпляров.

Особенно Владимир Гузий любил традиционный Пушкинский праздник в Тынде, в котором он не только участвовал и организовывал, но и посвящал поэтические произведения. Имя Пушкина было для Гузиев одним из самых дорогих в истории русской литературы. Любовь к нему и трепетное отношение к его поэзии он пронёс через всю жизнь, написав в разные годы немало стихотворений, посвящённых поэту.

В 2008 году во время своего отпуска В. Гузий посетил пушкинские места, итогом поездки стал сборник стихотворений «Пушкинский праздник» (Свободный, 2009), вышедший после ухода из жизни В. Гузиев. В нём биография Пушкина увидена глазами чело-

века, которому бесконечно дорого всё, что связано с именем великого русского поэта. Книга вышла под редакцией автора, её тираж составил 150 экземпляров. В сборнике помещены фотографии, сделанные автором и его супругой Ириной во время посещения пушкинских мест.

Подобно «Речи о Пушкине» Ф. Достоевского, эта книга стала «лебединой песней» Гузья, его поэтическим завещанием. Сборник «Пушкинский день», подписанный в печать на следующий день после преждевременной кончины поэта, – верный знак того, что у истинного художника не может быть забвения, его Слово будет жить вечно. Бессмертный гений Пушкина, всю жизнь сопровождавший поэта, не оставляет его и после смерти.

Владимир Свиридович Гузий скончался от сердечного приступа 13 апреля 2009 года в поезде по дороге в Волгоград.

В стихотворении «Март», посвящённом Маяковскому, Гузий, как и большинство русских поэтов, пророчески предсказал свою смерть:

В нём много слезливого,
и спорного,
Но дерзок и талантлив
март московский,
И в нём смешение
и жёлтого, и чёрного.
Прямо не март,
а ранний Маяковский

Всё впереди:
потоки света бурные,
сверканье молний,
грозы полуночные,
но так захватывают
первыми ноктюрнами
простуженные флейты
водосточные.

Пусть тучи долго над бульваром
не расступятся,

17 сентября 2010 года на доме, где последние годы проживал поэт, была установлена мемориальная доска. С инициативой выступили Городская библиотека, редакция газеты «БАМ», Молодёжный парламент, Тындинская общественная организация ветеранов железнодорожных войск. Идею поддержали депутаты Тындинской городской думы. «Владимир Гузий был большим другом нашей библиотеки, – отметила директор Городской библиотеки города Тынды Галина Масленникова. – Мы часто проводили презентации его книг, литературные вечера. Вместе с нами был в трудные и радостные моменты. К сожалению, друзья уходят, и мы ничего не можем с этим сделать. Владимира Свиридовича больше нет. Он остался в нашей памяти, в многочисленных сборниках и книгах, в журналистских материалах. Открытие мемориальной доски – значительное событие в жизни нашего города». Торжественное мероприятие приобрело общегородской масштаб – вспомнить о друге, коллеге и просто хорошем человеке к его дому пришли представители городской общственности, поэты, журналисты и рядовые граждане Тынды, друзья и родственники поэта.

В 2014 году, накануне 40-летия БАМа, в Тынде вышел небольшой сборник стихов Владимира Гузия «Лучшая дорога нашей жизни», составленный его вдовой – Ириной Гузий при поддержке директора ООО «Бампресс» Владимира Пьянова. Вступительное слово к книге написала директор Городской библиотеки Галина Масленникова.

В сборнике представлены стихи Владимира Гузия о людях труда, которые по зову страны и сердца прибыли на самую грандиозную из ударных комсомольских строек СССР – Байкало-Амурскую магистраль. Через тайгу и мари проложен железнодорожный путь – настоящая дорога в будущее, построены новые города и поселки. Новая книга – это стихи о БАМе во всём его величии, о тысячах и тысячах безвестных строителей и железнодорожников, о всех сроднившихся одной судьбой с БАМом. В новой книге читатели смогут познакомиться со стихами Владимира Гузия «Притяжение», «Первая зима на БАМе», «Пушкинский праздник в Тынде», «Монтажник», «Тында», «Улица Надежды», «Встреча с Северобайкальском», «Последнее звено», «Тамаре Шульге», «Журналист» и другие. В издании представлены фотографии из семейного архива Владимира Свиридовича – «Улица Диогена», «Работа во время отпуска в бригаде Александра Бондаря», «В Северомуйском тоннеле», «Выступление

в Городском музее «Я защищаю БАМ». Тираж книги – 500 экземпляров. Она выпущена в Новосибирске.

26 апреля 2014 года в центральной библиотеке Тынды прошёл вечер памяти Владимира Гузия «Может быть, когда-нибудь вернусь...», прошедший в год празднования 40-летия начала строительства Байкало-Амурской магистрали. Собравшиеся вспоминали его биографию, творчество, стихи. Гостями восторженно воспринимались видеозаписи, где поэт читает свои произведения сам. На подготовленной библиотекарями выставке можно было познакомиться со сборниками его стихов, а также с книгами, которые подготовил к изданию В. Гузий. Здесь же были представлены различные альбомы с вырезками, материалами, документами, воспоминаниями о Владимире Свиридовиче, семейный альбом с фотографиями. Специально на вечер приехал из Северобайкальска заслуженный работник культуры Павел Толмачёв, друг Владимира Гузия. Он исполнил песни собственного сочинения на стихи Владимира Гузия, поделился воспоминаниями. Вдова поэта Ирина Гузий выразила признательность собравшимся за светлую и искреннюю память об её муже. Бурю эмоций с обеих сторон вызвал телемост с Москвой, где собрались бывшие бамовцы, бойцы комсомольских ударных бригад во главе с Героем Социалистического труда Александром Бондарем.

Шестидесятилетию юбилею со дня рождения Владимира Гузия Городская библиотека города Тынды посвятила литературную композицию для молодежи «И прелесть в том, что есть на свете память...». Здесь говорили о жизни и творчестве поэта, читали его стихи, слушали его голос, с любовью листали сборники стихов и грустили о раннем уходе... Участницы клуба «Увлечённые словом» прочитали гостям стихотворения поэта, а Ирина Гузий подарила ребятам несколько экземпляров изданного ею сборника «Лучшая дорога нашей жизни...».

Владимир Гузий – настоящий патриот БАМа, оставивший яркий след в жизни этой стройки и города Тынды, всю свою любовь к которым запечатлел в стихотворении «Последнее звено», ставшим Гимном строителей БАМа.

Вот и всё. Замкнулось полотно.
И последний выложен портал.

«Золотое» светится звено.
Ты об этом десять лет мечтал.
И когда оркестр громом брызнет,
Ты поймёшь, что в ливнях и в пыли
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою вовремя нашли.

Нам бывало трудно много раз,
Но теперь спокойно оглянись:
Стройка обошлась бы и без нас,
Нам же без неё не обойтись.

И куда судьба нас не забросит,
В памяти останется всегда:
В утреннюю свежесть наших просек
Робкие заходят поезда.

Первый поезд начал свой разбег,
Он сюда шёл медленно и долго.
На щеках колючих тает снег.
Я не плачу. Это снег. И только.

Но когда оркестр громом брызнет,
Я пойму, что в ливнях и в пыли
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою полностью прошли.

Владимир Гузий всегда оставался романтиком. Его друзья вспоминают: «Он работал и созидал, учился сам и учил других. Он был лёгок на подъём и с рюкзаком в компании друзей-туристов сплавливался по рекам, покорял хребты Кодара, взошёл на пик «БАМ». Он любил жизнь во всех её проявлениях». Даже в трудные времена его стихи дышали оптимизмом и жизнелюбием. Таково его стихотворение «Весна на Витиме»:

Жарит солнце в марте нежданно жарко.
Превратился зимник в приток реки.
И весны прозрачная циркулярка
Хмурый лёд разделявает в куски.

Но пришла в палатки залетной сказкой
Телеграмма, сдержанно-горяча:
«Дежкину Сергею. Люблю. Согласна.
Вылечу пятнадцатого. Встречай».
И десантник Дежкин бежит к прорабу:
– За невестой надо «Урал» послать бы.
До прораба просьба доходит слабо:
– Тут десант. Работа. Какие свадьбы?
А в окно врывается рёв пилорамы,
И весенний ветер с Угрюм-реки
Со стола сметает отчёты, планы.
Но упрям начальник: – Жениться рано.
Здесь работать будут холостяки.
Да и где вам жить-то? – Я дом построю.
– У меня нет леса. – Я сам срублю!
– Где жене работать? – Да я устрою!
– По какому праву? – Да я люблю!
И по праву счастья, по праву власти,
Вся насквозь продумана и ясна,
Хмурый лёд ломая, идёт по трассе
Чистая, сверхплановая весна!

Владимир Гузий навсегда останется в памяти амурчан – человеком, воспевшим БАМ и его строителей.

**«СЛОВА ИМЕЮТ СВОЙСТВО ВОПЛОЩАТЬСЯ...»:
поэзия Владимира Гузиева**

*Здесь так легко начать поэту
И так не просто им остаться.*
Владимир Гузий

**«Я дорогу потрогал руками...»:
поэтическая летопись «трассы века»**

*Никаких курортов не хочу я,
Никаких заморских, пёстрых красок.
Мне бы снова выйти на Янчуге,
Чтобы рядом чувствовалась трасса.*
Владимир Гузий

БАМ начинался не только с первых просек, но и с поэзии. На «стройке века» трудно было не стать поэтом – столь вдохновляющая, богатая героикой была жизнь строительства главной железной дороги страны, её молодых строителей. Грандиозный размах стройки, величие таёжной природы и, конечно же, насыщенная культурная жизнь вдохновили многих молодых строителей на создание поэтических произведений.

«В спрессованном звучании – БАМ – была упругая сила молодости, отвергающей лагерный смысл довоенных времён и возрождающей русскую набатность подъёма на всенародные дела, – пишет известный амурский поэт Игорь Игнатенко. – В 2009 году исполнилось тридцать пять лет с начала строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. И поэтические книги засвидетельствовали главную истину: БАМ не умер, его главные люди хранят традиции и высокий дух времён первопроходцев, когда жили в притрассовых посёлках одной семьёй, не закрывая двери на замки и засовы; щедро делились последним куском хлеба, когда непогода закрывала перевалы, и продуктовые транспорты застредали в сугробах, вязли в грязи, тонули в разлившихся таёжных реках. Это было поистине поэтиче-

ское время, несмотря на все бытовые неурядицы и производственные трудности. То была молодость единого порыва вперёд – к Океану. А это русское движение «встречь солнца» неизменно во все века».

Л. Гордиенко, член Союза журналистов России, в предисловии к сборнику стихов Ж. Ржевской отметила: «Поэты, писатели, драматурги, музыканты, артисты – они были повсюду: в бригаде монтажников пути, среди мостовиков, воинов-железнодорожников, инженеров и прорабов, даже среди руководителей крупных строительных управлений. <...> И недалеко были от истины приезжие журналисты, уверявшие со страниц центральных газет и журналов, что «на БАМе стихи пишет каждый второй». Бамовская нота имеет особое, оригинальное звучание. Литературе Приамурья она придаёт неповторимый облик, обогащая её новыми темами, мотивами, образами, интонациями.

Вдохновляющая, богатая героикой атмосфера «ударной комсомольской стройки» рождала стихи, полные оптимизма, уверенности в завтрашнем дне, а потому именно торжественная, приподнятая интонация стала одной из типологических черт бамовской поэзии, вообще, и поэзии Владимира Гузиева, в частности.

В русле мощной гражданско-публицистической традиции, связанной с именами Николая Некрасова, Владимира Маяковского, Александра Твардовского, написаны лучшие стихотворения Владимира Гузиева о БАМе и его строителях.

Создавая поэтическую историю «о трассе века», фактически «летопись» в ярких, запоминающихся сюжетах и характерах, автор ничего не приукрашивает. Строительство БАМа было сопряжено с огромными трудностями, в том числе и бытовыми. Но, несмотря на это, герои Гузиева не унывают и не теряют оптимизма: они наделены способностью легко преодолевать жизненные преграды и препоны, более того даже находят в этом особую прелесть. В небольшой лирической миниатюре «Первая зима на БАМе» Гузий пишет: *«Была та зима небывало морозной. И после работы, умывшись едва, ловили на трассе мы ЗиЛ водовозный и, бочку наполнив, рубили дрова. А печь в нашем доме была, словно домна, – забрось хоть вагон, всё равно буде мало. Дымила сквозь вьюшки она неумно, но только не грела, а завывала.*

И плитка в доме спасла б едва ли нас едва ли, ведь свет отключали в лихом декабре. Но мы, приспособившись, разогревали супы из

И космической станцией
Проплывает тепловоз.

Вон посёлка поднебесного
Огоньков блеснула ртуть.
Смотрим вдаль и интересно нам:
Рельсы входят в Млечный Путь.

И плывём, плывём над безднами,
Где ни отзвука, ни дна,
И в конце вплывём в созвездие
Под названием Чина.

(«Дорога Чара-Чина»)

По стихам-балладам В. Гузия можно снимать эпизоды фильмов, так много в строчках живых деталей быта строителей БАМа, имён, характеров, философских раздумий.

КрАЗа мощный рёв звериный.
У меня по телу дрожь, –
Здесь такие серпантины.
Что костей не соберёшь.

Только он не паникует.
Он ещё подъём берёт,
Разговаривает, курит
И дороги критикует,
Но на всю «железку» жмёт.

Он привык к такой работе:
Когда солнце чуть встаёт,
Завести свой КрАЗ в Моготе.
Вёрст отмерить много сотен.
Из Невера – В Могот.

Рейс за рейсом.

Рейс за рейсом.

Как челнок, назад вперёд,

Честно и по-дружески
открылась,
Думая, что я ей
тоже друг.
Извини, долина.
Я хотел, как лучше
И монетку бросил...
Дома встрепенусь...
Там, в долине Чарской
я оставил душу.
Может быть, когда-нибудь
вернусь.
(«Прощание с Чарской долиной»)

«За три с лишним десятка лет Гузий объездил и обошёл, где с лопатой, где с «целовальником» путеукладчика, где с фотоаппаратом и блокнотом, всю трассу БАМа от Усть-Кута до порта Ванино, – пишет Игорь Игнатенко. – Взгляните на карту, прикиньте масштабность маршрута, вырывающегося за рамки трёх тысяч километров, представьте только, какой простор открывался перед взором поэта – и вы оцените его подвиг».

Владимир Гузий действительно буквально прошёл пешком всю трассу «стройки века», неоднократно взбирался на вершины Кондарского хребта, сплавлялся по бурным горным порожистым речкам, разжигал костры у скальных прижимов, смотрел в бездонное звёздное небо. Испил чистейшей байкальской воды и стоял на берегу Татарского пролива, смахивая со щёк солёные брызги прибоя. И всё это не могло не запечатлеться в его поэзии.

Кометой косматой и взрывом вразлёт,
Пучками изломанных линий,
По-дикому, сочно татарник цветёт,
Колючий, сиренево-синий.

Пространство собой заполняя подряд,
Разлапился в небо без меры.
Над степью как будто планеты парят,
Все в синих шарах атмосферы.

Не каждый решится цвести у дорог,
Где мечется пыль во всех видах.
Вот розы и маки похожи на вдох,
Но в чём-то быть должен и выдох.

Найдутся цветы подобнее на вид,
У них ароматы получше.
Но космос цветами галактик шумит,
Размашистый,
 дикий,
 колючий.
 («Татарник»)

БАМ стал второй родиной Владимира Гузиева, и в стихах он воспел красоту и величие таёжной земли.

Как жизнь таёжная проста,
Не то чтоб красок маловато,
Но совпадают вдруг цвета
Костра и дальнего заката.

Мы шли сегодня тяжело,
Но неприятности забыты,
И дарит щедрое тепло
Охапка сучьев перевитых.

Всю тяжесть мира унесло.
И что могу желать ещё я?
И неба чистое стекло
Висит, как зеркало большое.

И видно высь, и видно дно
Объёмно, красочно и резко,
Всё воедино сплетено,
Как сучья стланика в подлесках.

Идти не хочется ничуть,
И дорог нам бивак беспечный.

Но дым костра взовьётся в путь
И превратится быстро в Млечный.

И Млечный Путь, меж звёзд скользя,
Отобразит тропу земную.
И станет ясно, что нельзя
Нам расслабляться ни в какую.

А завтра холодом с реки.
Потянет северное лето,
Но мы раздуем угольки
Костра и ближнего рассвета.

(«Как жизнь таёжная проста...»)

По мысли Владимира Гузиева, красота и величие таёжной земли открываются не каждому, а только тому, кто искренне её любит и понимает:

Мы пробираемся по старицам,
Протокам, заводям, озёрам.
И это устье, это таинство
Здесь почему-то кличут сором.

Да, есть и топи непролазные,
Коряги, гнус, осоки лезвия.
Но можно видеть всё по-разному:
Кому-то – сор, кому – поэзия.

Ведь над долиною бурлящего
Сверкают гранями хребты,
Без всяких слов, по-настоящему
Являя облик красоты.

По островам синеют ирисы,
Кипрей в малиновом кипении.
Попробуй словом вровень вырази
Воды, цветов и гор сплетение.

И вдруг сквозь долгие блуждания,
Шальные мысли, чувств развал
Увидишь глубь, простор, сияние
И только выдохнешь: Байкал...

(«В низовьях Верхней Ангары»)

Слово «вровень», ключевое в данном стихотворении, имеет следующее значение: «в один уровень, ровно». Возможно, В. Гузий вкладывал в него несколько иной смысл: «ровно» как синоним слову «спокойно», то есть без особого эмоционального напряжения.

Герой пейзажной лирики В. Гузия – человек, тонко чувствующий природу, упивающийся ритмичностью происходящего.

Я ручей перепрыгнул и замер –
Там, где шёл полминуты назад,
В зыбком мареве перед глазами
Над поляной висел синий град.

Не гремело вокруг, не сверкало,
Небо было прозрачно-светло, –
Просто облако плавать устало
И на мягкие мхи прилегло.

И застывшее это мгновенье,
Сам себя сознавая едва,
Я случайно увидел строенье
Неизвестного мне существа.

Миллиард дымно-сизых молекул
Не срывался с зелёных орбит,
И в отличие от человека
Был спокоен, означен, открыт.

Так паслись облака голубики.
Здесь в июле всегда хорошо...

Где-то рядом слышались крики.
Видно, кто-то за ягодой шёл.

(«Голубика»)

Картины природы у поэта просты и совершенны. Природа живёт, дышит, заставляет думать, размышлять. Нельзя не заметить, что стихи не перегружены метафорами, метафорическими сравнениями, цветовыми эпитетами, как это часто бывает в пейзажных зарисовках. Всё просто и в то же время правдиво, точно в этих поэтических картинах природы, заставляющих задуматься о многообразии окружающего мира, о взаимосвязи жизни природы и жизни человека-труженика.

Как будто пройден перевал,
Забыты беды и победы.
Вот так спускаются в подвал –
Вина хорошего отведать.

Путь с перевала бел и крут,
Блестит, как стружка завитая.
Как опрокинутый салют,
Слетает снег, искрясь и тая.

И через несколько минут,
Я верю, жизнь пойдёт иная.
Так книгу новую берут,
С надеждой тайной открывая.

Ещё туманится сюжет,
Ещё е встречены герои,
Но видно озеро уже
И гордый город под горою.

Он мне открылся без прикрас.
Удачу где найдёшь такую:
Есть место действия и час,
Есть образ действия вживую.

Снежинок чистых тихий лёт
Былое мягко укрывает.
Что здесь со мной произойдёт,
Не знаю я, никто не знает.

творения «Пирог». Самое обыденное событие в нём – возвращение бригады с просеки – видится поэту в каком-то космическом, вселенском масштабе:

В Кичере, вьюгой занесённой,
На перекрёстке двух дорог
Мне Слава встретился Аксёнов.
Он на салазках вёз пирог.

Вот это вещь! Скажи на милость –
Какой размах! Какой размер!
Но как роскошно раскрутилась
Спираль небесных грозных сфер!

Всё разыгралось не на шутку.
Клубились силой молодой
И мех курчавый полушубка,
И пар над пышной бородой.

Как будто шло рождение мира:
Мороз и космос, и туман,
И на салазках бригадира –
Пирог, дымящий, как вулкан.

И возвышался мощно Слава
Парящей, дышащей горой.
И жаркой, вязкой, чёрной лавой
Блестел брусники тёртой слой.

В нём гасли снежные заряды.
И объяснил Аксёнов суть:
– Вернулась с просеки бригада.
Решили малость отдохнуть.

Да, здесь нехилые ребята, –
Когда выходят из тайги,
То в три наката, в два обхвата
Себе варганят пироги.

Необходимо отметить, что в последнем четверостишии В. Гузий обращается к гиперболизации и мифологизации строителей БАМа: «нехилые ребята», словно былинные богатыри, готовят для себя «в три наката, в два обхвата» пироги.

В стихотворении «Балластировка пути» известный на БАМе бригадир А. Бондарь подобен древнегреческому богу Антею:

Никаких курортов не хочу я,
Никаких заморских, пёстрых красок.
Мне бы снова выйти
на Янчуе,
Чтобы рядом
чувствовалась трасса.

Там когда-то, может, и неловко,
Просто для себя, не денег ради
Я неделю вёл балансировку
В бондаревской памятной бригаде.

Бондарь глаз прищуривает строго,
Бондарь смотрит вдаль, за перевалы,
Бондарь хочет, чтоб его дорога
Никогда потом не проседала.

Как Антей, он к рельсам припадает,
И дорога возвращает силы.
Как и мы, дорога молодая.
Что нам сделать, чтоб не искривило?

Чтобы нашей честностью жила,
Поезда тяжёлые качая.
За свои минутные дела
Мы и после смерти отвечает.

Деление стиха на строки и торжественная интонация в поэзии В. Гузия – вещи взаимосвязанные. Стихи бамовского автора под стать таёжной природе: за внешней суровостью, неприглядностью которой можно увидеть нечто совсем иное:

Сумрачно, как в брюхе самолёта.
Рюкзаки – как глыбы парашютов.
Но полёта нету отчего-то, –
В феврале в палатке не до шуток.

Выстыла к утру жестянка-печка,
Мысли в голове застыли тоже.
Не шумит закованная речка,
И кусты колотит мелкой дрожью.

Вечером весь берег был Лазурным,
И казался ласковым начальник...
Что ж так долго возится дежурный?
Почему не греет верный спальник?

Это страшно – выбраться наружу,
И лежать уже невмоготу.
И дыхание друзей в палатке кружит,
Серебрясь и тая на лету.

Только – чу! – повеяло дровами
И смолой, и дымом, и огнём.
Отогрелись ангелы над нами.
Значит, до заката доживём.

Кружка чая, миска манной каши,
И от утреннего солнца так тепло...
Кто не понимает счастье наше,
Пусть же знает: им не повезло.

(«Утро в палатке»)

По мысли И. С. Назаровой: «Сам способ усиления или расстановки пауз в стихах, а именно деление стиха на строки, подсказан поэту своеобразной таёжной природой». Так, в стихотворении В. Гузий пишет:

Давно не видел я
узоров на стекле,

Полощется облака
 праздничный вымпел,
Полотнища лиственниц
 хлещут ветра.
Качается лес.
Он, наверное, выпил.
Он День урожая справляет с утра.
Гуляют деревья.
Гуляет округа –
Раздольно, по-русски, гудящие, вразнос.
Целуют друг друга
 и лупят друг друга,
И сыпят монетами щедрых берёз.
А утром тот лес,
 поутихший, недикий,
Приложит к вискам
 из бочажины лёд,
Отыщет по ернику
 горстку брусники
И чистой водицей
 бруснику запьёт.
И глядя задумчиво
 в синие дали,
Куда ухромала к утру
 кутерьма,
Почешет щетину:
 «Ну вот, погуляли...
Но что-то не то.
 Что-то грустно.
Эх-ма!».

(«Праздник»)

Рассказывая о том, как общее дело служения родине объединяло людей самых разных взглядов и национальностей, Владимир Гузий создал такие замечательные стихотворения как «Вечер в Икабье», «Звёздный-94», «Тында».

А был же вечер в Икабье!..
И не осенний, и не зимний...
После стыковки, в октябре
Зазвали нас к себе грузины.

Поэты, барды и певцы,
Мы возвращались из Куанды,
Не то, чтоб главные творцы,
Но всё же крепкою командой.

И, предложение приняв,
Мы за столом собрались тесно
И, первый тост за БАМ подняв,
Запели бамовские песни.

Ещё от штурма не остыв,
Не осознав свою работу,
Воспели мы последний стык
И как утюжили болота.

Нам было жарко и легко.
Кого стесняться, в самом деле?
И тут неожиданно «Сулико»
Все враз хозяева запели.

И, речь родную услышав,
И, вспомнив давнее, родное,
И, тост за Грузию подняв,
Запели рядом, за стеною.

И тут пошло, пошло, пошло:
К грузинам добрым и открытым,
Гостей лавиною несло,
К столу тянуло, как магнитом.

Вино и тосты, и галдёж.
Мы размахались, как в духане.
Кто описал бы наш кутёж,
Так это только Пиросмани.

И хором всем руководил,
Напевы зная все на свете,
Монтёр Такидзе Автандил,
Живой крепыш из Кобулет.

И песня то ручьём текла,
То улетала птицей в выси,
И от таёжного стола
Летела в солнечный Тбилиси.

И песня то ручьём текла,
То улетала птицей в выси,
И от таёжного стола
Летела в солнечный Тбилиси.

А в след за тёплым Тбилисо
Москву воспели голосисто:
И про Садовое кольцо,
И про румяных гимназисток.

И вслед за славною Москвой,
Конечно, спели «за Одессу»,
Про Учкудук – родник живой
И про полесскую Олесю.

Тишь подмосковных вечеров,
Ширь необъятную Байкала,
И Ленинград, и Кишинёв
Нам память в песнях открывала.

И Волгу, что издалека
Течёт, течет в хлебах высоких,
И казаков, и Ермака,
Что проложили путь к Востоку.

Как много песен о стране,
Такой свободной и просторной,
В делах победной и в войне,
Речной, степной, таёжной, горной!

И это было всё о нас.
И набирали люди силы,
Когда все пели хором, враз
И «Крунк», и «Пущу», и «Нагилу».

Как будто пела вся страна
Одним бурлящим, общим домом.
Теперь на БАМе тишина,
Хоть много шумных, незнакомых.

Я проезжаю Икабью.
Я на неё смотрю особо
И тихо, шёпотом пою
И «Сулико», и «Тбилисоба».

(«Вечер в Икабье»)

При этом Владимир Гузий далёк от идеализации происходившего на БАМе. В стихотворении «Первая калитка» «таёжному братству», доверию, царящему среди людей, противостоит мир собственности, мещанства, в котором «всё конкретно», и таким богатствам, как «гуманы, сопки, реки, даль», некоторые всё-таки предпочитают «ковры, рубли, резной хрусталь».

Живём романтикой таёжной
И доверяем всем вокруг.
Посёлок новый молодёжный.
Здесь первый встречный –
первый друг.

Пойдём за нами, житель новый,
И пусть ты вовсе незнаком.
И не ворчи, что нет спиртного, –
По трассе всей – «сухой закон».

Вот на друзей красивых, дерзких,
Тебе, товарищ, повезло.
И яблочек глянцевого, венгерского,
У нас в авоське пять кило.

А для горячего напитка –
Две пачки чая, два котла.
Но что за новость?
Да, калитка...
В посёлке нашем?
Ну, дела!

Выходит, целый месяц зря я
Считал друзьями всех подряд?
Нам здесь уже не доверяют?
У нас заборы городят?

Вот нам и первая калитка
На винограднике надежд.
Вот нам и явная попытка
Отбить романтиков-невежд.

А ведь у нас богатств несметно:
Туманы, сопки, реки, даль...
А тут за шторкой всё конкретно:
Ковры, рубли, резной хрусталь.

Калитку прочную наладив,
Живи улиткой в закутке.
Мы не пройдем.
Спокойно, дядя!

А мы пойдём с друзьями в дымку
По свежим травам и цветам.
С гитарой доброю в обнимку
И сеткой яблок «джонатан».

Владимир Гузий тяжело переживал то, какой стала страна, и то, что происходит с БАМом. Многие стихи В. Гузиев наполнены горечью несправедливого забвения самоотверженного героического труда бамовцев.

Я шёл двадцать лет,
а пришёл к бездорожью...
Но я не желаю в глубины трясин,
Где время замешано
с кровью и ложью
И звон пустословия не выносим.
Новейшее время
становится древним.
Я с прошлым столетьем
внезапно ошпарен:
я продан с семейством,
я продан с деревней,
и продал меня
промотавшийся барин.
Сегодня не верю
ничьей болтовне,
Не верю указам,
подробным и ловким.
Из сотен бумаг
вспоминается мне
Простой корешок
комсомольской путёвки.
В семидесятых
всё было непросто,
Но если б те дни
воротились назад...
Из наших шальных,
роковых, девяностых
Я память свою
отправляю в десант.
Как первопроходцам
сегодня досадно,
Не ждали они
ни наград, ни похвал,
Но если тогда
уходили десанты,
Никто от десантов
не умирал.

И, словно гребцы,
налегая на вёсла,
Мы рвёмся вперёд,
только смотрим назад.
Моё поколение
мальчиков взрослых
Украдкой смигнёт
капли света в глазах.
Чтоб так разрушать –
это надо уметь,
В такой заварухе –
особый секрет,
Когда созидающему
поколению
Так подло и зло
перебили хребет.
Запомнит нас всех,
но простит нас едва ли
Дорога, которую
мы потеряли.
Я знаю, что БАМу
вернут его имя
И честный навряд ли
забудется труд,
Но мы к тому времени
станем другими.
Ожоги предательства
уж не сойдут
(«Я шёл двадцать лет...»)

Рисуя предполагаемую лет через тридцать встречу с Тындой, Владимир Гузий говорит вихрастому шофёру бежевой «Волги» щемящие сердца соратников слова:

Ещё сердцу горячему биться да биться...
Ещё стольким кострам у дорог полыхать...
Я приеду сюда
где-то лет через тридцать,

Чтобы снова дорогу свою повидать,
Чтобы снова дорогу свою повидать.

Я приеду по БАМу в свой распахнутый город.
С затаённой грустью
на сопки взгляну.

Выйду сразу на площадь,
расстегну тесный ворот
И таёжного воздуха вволю глотну.

И шофёру вихрастому
в бежевой «Волге»,
Надышавшись,
скажу через пару минут:
– Шеф, подбрось-ка до «Юности».
Это недолго.
Ты, наверное, знаешь этот маршрут.

Город будет спокоен.
Он меня не узнает. –
Много было ребят,
не оставшихся здесь.
Я приеду как гость.
Я его понимаю...
Только что-то моё тоже в городе есть!

Город, это же было!
И не с кем-нибудь –
с нами!
Мы с тобою росли
не в добре и тепле.
Проклинали дожди,
замерзали ночами.
Только прочно стояли
на этой земле.

Я приеду сюда...
Будет ветер с Могота

О прошедшей романтике
с грустью шептать...
А пока я живу
весь в делах и заботах.
Надо выстроить город,
чтоб потом приезжать.
(«К возвращению...»)

Популярный тындинский клуб «Юность», где прошло немало исторических событий, на слух теряет кавычки, превращаясь в ностальгическую метафору. Слова «Я приеду сюда», «А пока я живу весь в делах и заботах / Надо выстроить город, чтоб потом приезжать» звучат гражданским обетом строителя магистрали и её певца.

Владимир Гузий, почти всю жизнь проживший в Тынде, несмотря на то, что родился не в нём, считал столицу БАМа родным городом. С Тындой поэта связывает многое: строительство «трассы века», родственники, друзья, близкие по мировоззрению люди.

Стихотворение «Тында» – одно из самых проникновенных стихотворений В. Гузиева.

Синий сумрак плывёт над Москвою.
Пахнет жжёной листвою и покоем.
А ещё – непонятной тоскою.
И совсем уж неясно – тайгою.

«Тында» значит «тебя отпускаю»,
Есть на свете речушка такая,
А над ней – удивительный город.
Не пойму ещё сам, чем он дорог.

Не пойму, почему туда тянет...
То нахлынет, то снова отпрянет
Среди гама зелёное эхо:
«Почему ты в столицу уехал?».

Затихает Арбатская площадь...
Только в Тынде просторней и проще.

Там и люди понятнее, ближе –
Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что-нибудь знаю,
Словно к тайне земной припадаю.

Звёздный пояс повис над Москвою.
Пахнет жжёной листвой и покоем.
Я в себе целый город таскаю.
Тында всё-таки не отпускает.

В стихотворении Гузий, указывая на уникальное географическое расположение Тынды, на этимологию названия города, пытается понять, чем ему так дорог этот «удивительный город». Оказавшись в Москве, лирический герой испытывает непонятные чувства: на улицах столицы «пахнет» «непонятной тоскою. / И совсем уж неясно – тайгою». Среди гама московских улиц герою отчётливо слышится только зелёное эхо»: «Почему ты в столицу уехал?», а затихающая Арбатская площадь не вызывает у него никаких эмоций, кроме воспоминания о родном городе: «Только в Тынде просторней и проще. / Там и люди понятнее, ближе – / Я любого в отдельности вижу / И о каждом хоть что-нибудь знаю...». Лирический герой, оказавшись в столице нашей родины, осознаёт, что «Только в Тынде просторней и проще», потому что «Там и люди понятнее, ближе», которых он «в отдельности» видит и «о каждом хоть что-нибудь» знает. И герой понимает парадоксальную истину: душой он навсегда останется в городе, название которого в переводе с эвенкийского – «тебя отпускаю»: «Звёздный пояс повис над Москвою / Пахнет жжёной листвой и покоем. / Я в себе целый город таскаю. / Тында всё-таки не отпускает».

Понять чувства лирического героя Владимира Гузиев несложно. В стихотворении «Зеркало» читаем:

И как бы нас жизнь не коверкала,
Мы были во многом правы.
Ведь всё-таки в Тынде шло «Зеркало»,
В отличие от Москвы.

Пусть зал до конца незаполненный,
Работы же – невпроворот.

Мы фильм этот странный запомнили
В тот семьдесят пятый год.

Москва в те годы – захолустье,
Столица застойнейших лет.
Нет хода поэту в искусстве,
Тарковскому хода нет.

Сюда мы стремились недаром,
Довольны подарком вполне.
Ведь двести всего экземпляров
Пустили в прокат по стране.

А в Тынде – всё в первую очередь.
Здесь зритель умнейший – поймёт.
И как нас потом ни пророчили,
Хороший мы были народ.

В понимании В. Гузия – в столице БАМа живёт «умнейший» и «хороший» народ, достойный всего передового и современного.

В стихотворении «Улица Надежды» последовательно раскрываются основные черты мировосприятия поэта, особенности его художественного мира. Городские картины и пейзажи исполнены внутреннего движения, эпитеты красочны и разнообразны.

Тында большая,
а улица малая.
Что-то построят,
а это снесут.
Между домами,
как между причалами,
Ветры отчаянные снуют.

Тынду, как в море,
меж сопок качает.
Холод отхлынет,
и ветер накатит.
А сопка, которую
не замечаем,

И по пути читают страстно
Про строганину и питьё
И замечают теплотрассу,
Когда лишь падают с неё.

Что им бутылка «цинандали»?
Их опьянило не вино, –
Они полдня стихи читали
В своей литстудии «Звено».

Какое щедрое богатство:
Читать захлёб,
читать навзрыд!..

И пусть из маленького братства
Никто не станет знаменит,
Но первым признаком успеха
Летит,

летит издалека

Из новых улиц
гулким эхом
Стихов последняя строка.

Какие чуткие здесь стены...
Нет, собирались мы не зря!
Нам все канавы по колено,
А также ближние моря!

Но как не ценим мы
друг друга...

Когда ещё, и где, и с кем
Так откровенно,
без испуга

Прочтём отрывки из поэм?

И стоит мне потом
зажмуриться,

То сразу вижу,
как легко

Хмельной, апрельской,
гулкой улице
Стихи читает
Головко.

Примечательно, что Гузий из тындинских поэтов особо выделяет Головко. Олег Головко – поэт, который жил и работал в городе Тынде. И это абсолютно верно, он тогда был самым заметным и популярным стихотворцем на всей протяженности строительства – от Байкала до Амура. Воспоминая Олега Головко, Валерий Черкесов написал: «Олег Головко выделялся среди тогдашних амурских «маститых» писателей: Николая Фотьева, Александра Побожего, Игоря Еремина и других. Во-первых, он был младше всех по возрасту, во-вторых, высокий, стройный, черноволосый, одет с некоторым шиком – в белой рубашке со строгим галстуком и, главное, держал себя непринужденно, общался запросто со всеми, в том числе и с нами, пока не входившими в Союз». Олег Головко – создатель тындинской литературной студии «Звено». Из тындинских поэтов Олег Головко особенно выделял юного Владимира Гузия, относился к нему поистине по-отечески. Много позже, в своих поэтических строках Гузий отблагодарил своего наставника поэтическими строчками.

Многие стихотворения В. Гузия носят особый ритмический рисунок – деление стиха на две строки. По мысли И. С. Назаровой, такое структурное решение поэтического произведения, отражает глубочайший надрыв в душе лирического героя. Тем не менее, автор верит в завтрашний день, силен духом и бесконечно жизнелюбив.

Главное – не слушать
сводки новостей.
Новость главная,
что ты живешь на свете.
Главное с утра –
узнать о снах детей.
Новость славная –
во сне летают дети.
Новость главная,
что прочен светлый дом,
Где живут любимейшие люди.

На розовом глянце лососевой речки,
При запахе хвои и свете брусники
Печатает осень Нерезко. Беспечно
Свои моментальные первые снимки.
Мы в мокрых бахилах, неделю небриты,
У нас уж совсем рюкзаки отощали.
Но многое в прошлом.
Пустые обиды,
Невзгоды и трудности дебри прощаем.
Мы первые люди, заснявшие трассу.
Нас тоже на память тайга засняла,
Ещё не понявшая вовремя, сразу,
Что с нами начнутся другие дела.
Как быть, чтоб сюда возвращались лососи,
Деревья остались – большие, живые,
И сверху спускалась пугливая осень,
Как лось к водопою пришедший впервые?
Всего не решить даже долгой ночью.
Мы в город вернёмся, к бетонным ущельям.
И только костёр у палатки затопчем,
Как совесть, вызывающую о прощении.
(«Изыскатели»)

В стихотворении просматривается призыв одуматься, осознать свою ответственность за всё, что беспечно разрушается человеком в природе.

Мотив памяти – главный в стихотворении Владимира Гузия «Пепел». Впервые оно было опубликовано в сборнике «Чукчуду» в 2008 году. Случайно оказавшись на поляне, где когда-то в бараках обитали заключённые БАМЛАГа, герой уже не может жить как прежде. Мир для него стал иным:

Забыт тот поход.
Снег давно уж растаял.
Но я просыпаюсь
в тревожной ночи, –
Лагерный пепел,
в окно залетая,

столбы колебаний
Нагородила себе на пути.

На трассы прямые всё время надеюсь,
Но к бурным порогам

я снова приду.

Куда же я денусь,

куда же я денусь,

Если вся жизнь у меня –

Чукчуду?

(«Чукчуду»)

Чукчуду – название реки, в переводе с эвенкийского – «вернуться по кругу». С рекой, которая «то ли от шалости, то ль от испуга» постоянно возвращается «к истокам», поэт сравнивает свою жизнь и уподобляет её бурной реке.

Герой лирики В. Гузиев, даже называя себя «отставшим», «вчерашним», «не принимающим смутного дня», не впадает в уныние, а живёт полноценной, насыщенной жизнью, черпая силы в природе:

Когда разливается дикий Могот,
И почту бросает с небес вертолёт,
И как у Жюль Верна

живёт здесь народ,

Средь моря тайги

на клочке обитая,

Недели, мне кажется,

тянутся год,

Хотя всё вокруг фантастично цветёт,

И радости всяческой – невпроворот,

Просто немного тебя не хватает.

Но ты по Моготу не сходишь с ума,

И в эти края не приедешь сама.

Не будет пытать тебя долго зима,

И стужу не вспомнишь потом,

проклиная.

Ты любишь тепло
и большие дома.
Чтоб солнце – весь день,
Чтоб не страшная тьма.
А я эту радость шального письма
И сопку Любви,
и рассветы в дымах
На все побрякушки,
на все терема,
На всё твоё счастьеце
не променяю.
(«Когда разливается дикий Могот...»)

В стихотворении «День брусники», посвящённом жене Ирине, ощущение внутреннего спокойствия В. Гузий обретает, наблюдая за ритмичностью, извечной повторяемостью происходящего в природе:

Какие нынче по листьям блики!
Как высока и прозрачна высь!
Давай отпразднуем День брусники!
Мы очень вовремя добрались.

Зачем же нам запирать дома,
Столы раскинув, готовить, печь?
Природа празднует по-другому.
Она умеет свой миг сберечь.

Здесь ход событий завидно точен,
Канва явлений всегда проста:
День распускания первых почек,
День улетающего листа.

И где мы были, куда глядели?
Понять значения не смогли.
И День снежинки, и День капли
Так незаметно и утекли.

Но помнишь: праздничен и возвышен.
Светясь особенной чистотой,

И я своё шальное вдохновенье
Пытался скрыть от строго отца.

Всё повторилось,
 повторилось,
 повторилось.
Открылось мальчику впервые красота.
И только, Боже, сделай сыну милость,
Чтобы любовь его всегда была чиста.

Прочность, незыблемость человеческого бытия, основывающегося на законах природы, торжество жизни подчёркивается в этом стихотворении с помощью повтора главного в смысловом отношении слова «повторилось» («повторяться» – в четвёртой строфе) и его интонационного выделения.

Помимо гражданской лирики, в творчестве Владимира Гузиева важное место занимают проникновенные стихотворения о любви «Таёжное танго», «Мама», «Проснёшься растерянно...», «Мои волосы пахнут дымом...» и др.

Вот и лето. Тайга встрепенулась
От дождей, от цветов и тепла,
И далёкая, шумная юность
Неожиданно в гости пришла.

Так сладко, так сладко, так сладко
Тает запах черёмух в ночи,
И где раньше стояла палатка,
Наше танго всё также звучит.

Любимая моя,
Как вовремя я встретил
Тебя в своей судьбе
В задумчивом краю.
И снова вечер наш
Загадочен и светел,
И я тебя люблю,
Одну тебя люблю.

Пусть туман серебристый
 украдкой
Прикоснулся к твоим волосам,
Только ты остаешься загадкой,
Неподвластной ни дням,
 ни часам.

Удивляться никак не устану.
Не страшны мне ни боль, ни года.
Столько лет я живу рядом с тайной,
Но никак не могу разгадать.

(«Таёжное танго»)

Тема любви у В. Гузиев неразрывно связана с темой природы, которая дарует лирическому герою силы, помогающие верить в светлое начало жизни, силу любви, неразрывность людей, предназначенных друг другу.

Проснёшься растерянно
 серой ночью,
Когда сквозь тебя,
 как сквозь небо гроза,

Бьют синие токи:
 «Люблю тебя очень!» –
Я это вдали еле слышно сказал.

У нас от дождей закипает Олёкма.
И я, проклиная сырую избу,
Ужé засыпаю,
 но бьёт издалёка
Неслышная сила:
 «Меня не забудь».

Вода прибывает,
 и мы отплываем.
Наверное,
 вспомнила ты обо мне, –

Куртины акаций
трепещут от ветра.
Отсюда в бидончики воду берут,
Чтоб в гору нести
ещё два километра.

От лесопосадки уходит тропа,
Зелёные травы становятся суше.
Всё больше на краски
природа скупа,
Но как лиловеют с утра Горы Уши!

И вот начинается царство бахчи.
Вся в тыквенных глыбах бугрится равнина,
И в чёрных с зелёным тельняшках мячи,
И дыня плывёт золотым цепеллином.

Не надо уже поливать и полоть.
Хорош урожай.
Мать не прячет улыбки.
И надо лишь взять
тёплый хлеба ломоть
И первый арбуз весь
разрезать на скибки!

Мать смоеет со щёк
алый сахарный сок,
А чёрные семечки
спрячет в тряпицу.
Откроет свои закрома туесок,
Бидон забренчит,
чтоб водой поделиться.

О, пиршество наше
у щедрой бахчи.
Всё буду и буду
к тебе возвращаться!

Вода имеет память.
Потому-то
Запомнила криница хорошо
Ту солнечную майскую минуту.
Когда я к ней
впервые подошёл.

Подводная струя неслышно била.
Криница,
серебриста и светла,
Меня водой глубинной напоила
И силы на всю жизнь
передала.

Прожил я жизнь хорошую,
незлую,
И вся она видна
на глубине.
И с благодарностью
я воду поцелую.
И словно, мать,
она ответит мне.
(«Криница»)

На БАМе Владимир Гузий приобрёл много друзей. По окончании строительства некоторые из них уехали на свою родину. Гузий тяжело переживая разлуку, в надежде на скорую встречу писал стихотворения о дружбе и друзьях: «На вокзале станции Кавказская», «Вдруг защиплет глаза...», «Затянувшись затяжкой длинной...», «Баня по-чёрному» и др.

Как странно расставаться
с другом давним,
Когда ещё не высказано всё.
Но к новым приключениям и далям
Нас сила центробежная несёт.

И вроде бы смириться
 надо с этим –
С привычной неизбежностью разлук.
И так нам повезло,
 что на планете
Живёт и помнит
самый близкий друг.

А нам всё мало
 разговорной практики,
Бесед открытых,
 за полночь, всерьёз,
Когда летят
 старейшие галактики
И взрывы дальние
 гремят сверхновых звёзд.

И где они ещё
 берут пространство?
Летит, летит сквозь время
 звёздный свет
К друзьям, пробившим мир
 непостоянства
Галактик, солнц,
 туманностей, комет.

Отходит поезд скорый
 постепенно,
И по стеклу
 слеза дождя течёт.
Но верю я
 в пульсацию Вселенной
И знаю:
 мы увидимся ещё.
 («На вокзале станции Кавказская»)

Гузий тяжело переживал неизбежный уход из жизни своих друзей, с которыми не только прошёл длинный путь строительства

Он мне советов дал немало,
Открыл, как искренне просты
Зелёный город у Байкала,
Тоннели, просеки, мосты.

Всё жду письма его, как будто
И не случилось ничего.
Как недописанная буква
В раскрытой книге –
жизнь его.

В стихотворении «Ностальгия» Владимир Гузий выплёскивает свою тоску по простой и красивой жизни «напряжённейших дней» строительства БАМа, когда он и его товарищи «были незлыми, молодыми, / От хороших песен без ума», и сожалеет, что «Никогда не повторится снова / Эта удивительная жизнь».

Плачу по разграбленному дому
И тоскую по грузинскому кино,
Чёрно-белому, кроткому, смешному.
У страны комедий нет давно.

Я отстал, я выпал, я не в теме.
И народ давно уже не тот.
Я тоскую по программе «Время»,
Где рабочий
интервью даёт.

Там везде – правдивые плакаты,
Крепкие, как в сказке, мужики
И народные, без скидок депутаты,
А не лживые, валютные мешки.

Были мы незлыми, молодыми,
От хороших песен без ума.
Я тоскую по туркменским дыням,
По «чернилам» с именем «Чишма».

Естественность и гармоничность, мудрое приятие жизни такой, какая она есть – отличительные свойства стихов В. Гузия. Поэзия его стала своеобразным способом воспоминания и сохранения памяти, способом духовного сопротивления забвению, преодолением конечности земного бытия.

Гузий-поэт ориентируется на слушателя, читателя, который имеет возможность прикоснуться к внутреннему миру автора через его стихотворения, открывающие всё, что таится в его сердце и душе.

Стихотворения, посвящённые БАМу и его строителям – своеобразное путешествие по «трассе века», на которой лирическому герою Владимира Гузия знаком и бесконечно дорог каждый город и посёлок: Тында, Могол, Кувыкта, Ларба, Хорогочи и др. Торжественная, приподнятая интонация, присущая большей части стихотворений В. Гузия, – одна из типологических черт бамовской поэзии. Большинство этих стихотворений найдёт отклик в душе тех людей, которые непонаслышке знают, что такое БАМ и суровая таёжная природа. Бамовская тема, являясь ключевой в поэтическом наследии Владимира Гузия, развивается в русле традиционных для русской литературы мотивов: дружба, любовь, природа, память, служение родине, философские размышления и гражданский пафос.

«Сверяясь с пушкинской строкой...»: образ А. С. Пушкина в поэзии В. Гузия

*Поэты нынешнего века,
Теряя сон свой и покой,
Воспеть стремятся Человека,
Сверяясь с пушкинской строкой.*
Виталий Лукашенко

Литература БАМа, обладающая уникальными и неповторимыми темами и образами, прочно связана с традициями русской литературы. Сильные творческие импульсы бамовцы получили от поэтов «серебряного века»: А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Блока, В. Маяковского. Подобно своим предшественникам они ощущали себя лучшими людьми, избранными, чья миссия – строительство «нового

мира», «светлого будущего». Но всё же главным ориентиром для бамовцев был и остаётся А. С. Пушкин.

Не умаляя достоинств других классиков русской литературы и вполне осознавая их величие, мы, русские, называем Пушкина первым нашим поэтом. Справедливо замечено, что Пушкин всегда оказывается рядом, с нами, в нашей душе, в наших делах и поступках.

«Когда строительство БАМа обрело силу и всесоюзный разворот, участники литературной студии «Звено» придумали для себя торжество, которое назвали праздником Пушкинской поэзии, – пишет Игорь Игнатенко. – И с конца семидесятых прошлого века постоянно стали проводить в Тынде в день рождения великого поэта, 6 июня, это радостное действо. Приезжали маститые литературные гости из разных крупных культурных центров, собирались под сводами знаменитого Дома культуры «Юность» начинающие стихотворцы из притрассовых посёлков, не обходили стороной в этот день столицу БАМа и амурские писатели. Звучали бессмертные строфы гения отечественной словесности и вольной мысли, взволнованными голосами читались никому не ведомые строки нынешних последователей Пушкина. Дарили друг другу свои книжки, записывали в блокноты адреса новых друзей. Завязывалась переписка. Все наполнялись вдохновением для дальнейшей творческой работы, испив из чистого и неиссякаемого родника пушкинской поэзии».

В разные годы Пушкину посвящали стихотворения Тамара Гаврилова, Олег Головкин, Владимир Гузий, Жанна Ржевская, Иван Шестаков, Тамара Шульга и др. А 6 июня 1976 года в Тынде впервые прошёл, ставший традиционным, Пушкинский праздник. Ни одно культурное событие «стройки века» не может похвастаться столь длительной историей своего существования. В разные годы в Тынде и притрассовых посёлках проходили литературно-музыкальные вечера, лектории, выставки, приуроченные к юбилеям В. Маяковского, С. Есенина, Н. Тихонова, Н. Островского, В. Высоцкого и др. Одни – отличались масштабностью (80-летие Маяковского, 90-летие Есенина, 50-летие Высоцкого), другие, посвящённые в основном советским и детским писателям (К. Чуковскому, Н. Сладкову и др.), – имели более камерный характер. Но дело не в масштабах празднования, а в том, что ни одно из этих событий не стало традицией. И только день рождения Пушкина бамовцы с завидным постоянством отмечают каждый год.

В годы строительства БАМа Пушкинские праздники были событием незаурядным, связанным с появлением в «таёжной глухомани», как однажды выразился Иракий Андроников, выдающихся личностей и просто интересных, увлечённых людей. Среди них: Андроников – известный литературовед и телеведущий (три года он возглавлял оргкомитет Пушкинских праздников), Роберт Штильмарк – член СП СССР, пушкинист, руководитель пресс-центра ТАСС первого Пушкинского праздника, посвящённого 100-летию со дня гибели поэта и др. На БАМ ежегодно приезжали творческие коллективы, в состав которых входили сотрудники Центрального Дома работников искусств СССР, Музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки, солисты Большого театра, Академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, студенты музыкального училища им. Гнесиных, поэты и прозаики из разных уголков страны (И. Бауков, Е. Лаврентьева, И. Ляпин, Л. Овсянникова, Д. Петров, М. Сергеев, И. Фаликов, О. Чугай и др.). Поэзия Пушкина пришла к бамовцам в мастерском исполнении профессиональных актёров и певцов, поражающих великолепным звучанием известных романсов и оперных арий.

В рамках Пушкинских праздников демонстрировали документальные фильмы о жизни и творчестве поэта, проводили книжно-иллюстративные выставки, викторины, в периодической печати публиковали материалы, рассказывающие о пушкинских местах, о прототипах его героев и т.д. Особенно запомнились бамовцам, людям в основном далёким от литературы, визиты сотрудников ведущих литературных музеев страны: Государственного литературного музея им. М. Горького, Московского и Ленинградского государственных музеев им. А. С. Пушкина, музея «Мемориальная квартира Пушкина на Арбате». Их увлекательные рассказы сопровождались показом портретов, фотографий, рукописей, автографов и других любопытных музейных экспонатов.

В постсоветскую эпоху Пушкинские праздники утратили былой размах, но даже в непростые 1990-е традиция не прервалась. Вспоминая о празднике, проходившем в 1992 году, В. Гузий писал: «7 июня у дверей городского центра культуры «Гилой» не было такого столпотворения, ажиотажа в поисках лишнего пригласительного билета, какие царили в июньские дни конца семидесятых годов на пороге «Юности». <...> И всё-таки двести человек среди забот о хле-

бе насущном нашли время прийти ещё раз и услышать что-то новое о давным-давно изученном и всё-таки до конца непостижимом поэте и человеке» («БАМ». 1992. 12 июня. С. 8).

В 1993 году на Пушкинском празднике побывала заведующая кафедрой литературы Читинского педагогического университета Л. Полетаева. Она была искренне удивлена увиденным: «Я никогда не думала, что в Тынде процветает такой духовный оазис. В наше время это огромная редкость» («БАМ». 1993. 4 июня. С. 6).

С именем Пушкина связаны многие бамовские реалии: «пушкинские» вагончики, служившие временным жильём для строителей, и детская вокальная студия «Музей Пушкина», ежегодно принимающая участие в Пушкинских праздниках, и клуб книголюбов «Зелёная лампа», напоминающий о связи поэта с декабристами и др. Некоторые идеи по увековечению памяти поэта так и не воплотились в жизнь, видимо, по причинам материального характера: в 1990-е годы жители Тынды выступали за то, чтобы назвать именем Пушкина одну из городских улиц, а Ж. Ржевская предлагала установить в столице БАМа копию известного памятника поэту на Пушкинской площади в Москве работы А. Опекушина.

В эмоциональной атмосфере патриотического подъёма для большинства строителей БАМа Пушкин стал настоящим символом России. Его поэзия – воплощением русской души, русского характера, высоких гражданских чувств. Журналист и писатель И. Шестак в небольшой газетной заметке, рассказывающей об очередном Пушкинском празднике, писал: «Народ видит и чтит в нём художника, гражданина, человека, связывает с его поэзией и его личностью свои представления о прекрасном, истинном, благородном» («БАМ». 1979. 8 июня. С. 4). Для многих бамовских авторов, всё, что связано с Пушкиным, озарено светом, наполнено радостью, ожиданием счастья.

В 1981 году в рамках торжеств, посвящённых поэту, состоялась викторина на тему «Пушкин и декабристы». Но особенно усилился интерес к свободолобивой лирике поэта в последнее десятилетие XX века. В 1990 году праздник проходил под девизом «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!», в 1991 – на БАМ приезжал уже не в первый раз поэт и пушкинист, исследователь темы «Пушкин и декабристы» Марк Сергеев.

В 1990-е годы поэт стал для бамовцев символом несокрушимого духа, отчаянного сопротивления невзгодам. За более чем сорокалет-

ную историю существования литературы БАМа масштабы и характер осмысления личности Пушкина не оставались неизменными. Очевидно, что бамовская пушкиниана представлена разными стихотворениями: есть среди них и проникновенные лирические зарисовки, и смелые патриотические строки, есть стихи глубокие, зрелые, отличающиеся красивым и гармоничным слогом, а есть по-детски наивные и «неумелые». Но как бы по-разному ни воспринимали бамовцы Пушкина, они единодушны в одном: гений поэта всеобъемлющ и не подвластен времени, с его именем связано не только прошлое и настоящее, но и будущее.

Впечатления о Пушкинских днях нашли отражение в стихотворении В. Гузия «Пушкинский праздник в Тынде»:

Вдруг в душе встрепенулось
Чудо давешних дней –
Клуб строителей «Юность»,
Цвет багульных ветвей,

Дым черёмух
распущенных,
Синих ирисов
лезвия

И под профилем Пушкина –
Первый праздник Поэзии.

Всё вокруг необжито,
Шквал проблем – без конца,
Но поэтам открыты
Молодые сердца.

Как же слушают жадно,
Как вся публика ждёт,
Когда Ржевская Жанна
О Кувукте прочтёт.

И, странички листая,
Широко-широко
Прямо с жару читает
Сам Олег Головки.

И поёт про закаты,
Дождь, дорогу, бураны
Лейтенант желдорбата
Мощный Леша Капранов.

С тихой грустью во взгляде,
Тяготясь духом комнат,
Пузыревская Надя
Изыскателей вспомнит...

Где искать теперь многих
По чужим городам,
Куда нет уж дороги
Под названием БАМ?

Только юностью дразнит,
Манит жаром в крови
Первый Пушкинский праздник –
Праздник верной любви.

Имя великого русского поэта было одним из самых дорогих и для В. Гузиева. Любовь к Пушкину, особое, трепетное отношение к его поэзии он пронёс через всю жизнь, написав в разные годы немало стихотворений, посвящённых поэту.

«В свои продолжительные северные отпуска Владимир Гузий отправлялся в центральную Россию, – пишет Игорь Игнатенко. – Бывал на поле Куликовом и других средоточиях отечественной ратной славы, посещал исторические архитектурные ансамбли и музеи русских писателей. Особенно его захватили посещения исторических пушкинских мест – Михайловского, Тригорского, Болдино, Санкт-Петербурга, Москвы. На фотоплёнке оставались снимки живописных пейзажей, представавших некогда перед взором Александра Сергеевича. Отреставрированные заново дома, в которых жил великий поэт, писал свои сочинения и принимал гостей, обретали под пристальным взглядом Гузиева черты подлинной старины, поскольку рядом с ними Владимир помещал свои новые стихи о Пушкине, его жене Натали, о доброжелателях и недругах Поэта. Владимир Гузий прикасается к пушкинской жизни не пером реставратора

и обновителя, а всем своим сердцем, не выдержавшим в итоге высочайшего напряжения нравственной ответственности перед громадной темой» («Амурский дилижанс. 2009. 2 декабря. С. 7).

Итогом многолетних размышлений Гузия о судьбе Пушкина стал сборник стихотворений «Пушкинский праздник» (2009), навеянный посещением «пушкинских мест». В одном из писем Игорю Игнатенко Владимир Гузий рассказывал о незабываемых впечатлениях от этой поездки: «Пишу тебе из святого места – из Пушкинских гор, которые раньше так и назывались – Святые горы. В 350 метрах от нашей гостиницы Святогорский монастырь, где похоронен Пушкин. Вчера с Ириной положили цветы на могилу поэта, поставили свечи в храме. Потом на такси рванули в Тригорское. Походили там по всем памятным аллеям вдоль прудов. Я посидел на скамье Онегина. Зашли в баньку, где любил писать поэт. Потом вдоль по берегу Сороти прошли до Сивкиной горки, потом – до Михайловского пять километров. В Михайловском мы провели весь день до этого. Сходили на мельницу в Бугрове, в Петровское, похлебали щец под местную водочку. <...> В общем, впечатлений масса. Всё это переплывется в стихи...» («Амурский дилижанс». 2009. 9 декабря, с. 7).

«Пушкинский праздник» – книга не совсем обычная. Это некий роман-биография в стихах. В нём упомянуты все самые заметные события из жизни Пушкина: лицейские годы, южная ссылка, служба в Одессе, годы в Михайловском, любовь к Наталье Гончаровой, дуэль, последние минуты жизни.

Игорь Игнатенко пишет: «Не стану утверждать, что по книге «Пушкинский праздник» можно изучать биографию поэта. Очевидно, что автор и не ставил перед собой такой цели. Но поступательное движение от детских лет Пушкина к трагической развязке ведётся по самым узловым точкам судьбы. Не случайно упомянуто в стихотворении «Первый журнал» детское рукописное издание «Неопытное перо», затеянное 14-летним Антошей Дельвигом и его младшим другом Сашей Пушкиным, которому было годом меньше» («Амурский дилижанс», 2009, 9 декабря, с. 7.).

Биография Пушкина увидена глазами человека, которому бесконечно дорого всё, что связано с именем великого русского поэта. Сквозь века лирический герой стихотворения «Октябрь в Михайловском» пристально всматривается в каждую мелочь, прислушивается к каждому звуку, ловит каждое движение, ощущает дыхание «пушкинских мест»:

Я обошёл три раза этот дом.
Пусть новодел,
и всё-таки он вечен.
Всё та же Сороть
вьётся под холмом,
Всё те же ели
тянутся навстречу.

Всё те же липы
листья льют на нас,
Лишь прибавляют
годовые кольца.
И кажется, что вдруг,
вот-вот, сейчас
Зальются по дороге
колокольца.

Всё так же
величавы и чисты
Аллея Керн
и пруд уединенья,
Где вновь явился
гений красоты
И повторилось
чудное мгновенье.

Всё то же золото
по рощам и багрец,
И стадо вечное
бредёт домой, вздыхая.
И озеро живое
Маленец
Ни при какой жаре
не высыхает.

Настойчивое повторение фразы «всё та (те, то) же», создаёт ощущение вечности, незаблемости изображённого, а потому

«Кзаков» подписал
последний лист.
А дома что?
Конечно, дома дети.
А дальше – внуки,
внуки без конца,
И няньки псковские,
мудрейшие на свете,
Читают сказки деда и отца.
Жена варенья делает
и водки,
К обеду созывает по часам
И переписывает вечером находки,
Которые он утром написал.
Они б прожили
верно и толково
Лет пятьдесят,
компьютеру согласно.
Но Гончарова...
Гончарова...
Гончарова...
И всем компьютерам
поэты неподвластны.

Лишь изредка интонационную палитру сборника разбавляют мрачные краски, передающие борьбу между естественным и непреодолимым желанием жить и ощущением стремительно приближающегося конца, происходящую в сознании умирающего поэта:

Уж лучше б сразу,
лучше б сразу...
Но есть ещё надежда жить.
И он сумеет,
он обязан.
Иначе и не может быть.
Рывок последний,
запредельный.

По чернореченским снегам,
По мутным улицам метельным
К жене, к семье, к делам,
к стихам...

как тряско в медленной карете.
Но как мучительней втройне

Переносить все муки эти
При детях, слугах
при жене.

Стонать, стесняясь при народе,
Боясь уйти в горячий бред.
А жизнь уходит,
жизнь уходит
В неполных
тридцать восемь лет.

Друзья толкаются бесцельно,
И нет лечения почти.
Страна огромна, беспредельна.
Но больше некуда везти.
(«Уж лучше б сразу...»)

И. Игнатенко в рецензии с символичным названием «Дорога без конца» написал: «Признаться, после прочтения стихов для меня многое увиделось в пушкинской биографии совершенно по-иному, без хрестоматийного глянца, восхвалительного захлёбывания. Это был Пушкин, которого Гузий приглашал в наши дни», – пишет И. Д. Игнатенко («Амурский дилижанс», 2009, 9 декабря. С. 7).

Верит в судьбу, её роковую предопределённость и лирический герой последней книги В. Гузиев «Пушкинский праздник», немало стихотворений посвящено изображению трагической гибели А. Пушкина. Например, «Пророчество гадалки Александры Кирхгоф»:

Вдохновившись желанием дерзким
Угадать свою жизнь наперёд,

Не каждый день,
так каждый век.

И выпадает странный случай
Не в декабре,
так в октябре.

И верит чернь,
что будет лучше
При новом батюшке-царе.

Пустая русская забава –
За все грехи пенять на власть.
И получает низость право
Крушить и врать, казнить и красть.

Жестокость власти
всем знакома.
Но знает каждый князь и раб:
Слабы цари,
слабы наркомы,
Премьер-министр тоже слаб.

Мы все в расшатанной системе
(Готовь указы, ни готовь).
Бредёт Россия через время
Всё через кровь, всё через кровь.

Пушкин не имеет двух биографий – биографии житейской и биографии писательской. Жизнь и поэзия слились у него в единое целое. Факты жизни становились у Пушкина фактами творчества.

Лицейские годы юного поэта воплощены в стихотворении «Первый журнал», в котором упоминается детское рукописное издание «Неопытное перо», затеянное четырнадцатилетним Антошей Дельвигом и его младшим другом – тринадцатилетним Сашей Пушкиным.

Ему крутиться бы шаром,
Но, сбавив дерзость молодую,

Он над «Неопытным пером»
С любезным Дельвигом колдует

Кружок читателей так мал.
Да много ль надо этой паре?
Им важно выпустить журнал
В одном бесценном экземпляре.

Пусть Илличевский издаёт
«Для удовольствия и пользы».

Никто уже не перебьёт
Стихи на увяданье розы.

Ему всего тринадцать лет,
Но знает маленький мечтатель,
Что он талант, что он поэт
И даже собственный издатель.

От игр и шуток час украв,
Ещё не ведают поэты,
Что выйдет из таких забав
«Литературная газета».

Размышляя над невольным совпадением в судьбах гонимых поэтов, Владимир Гузий в стихотворении «Прощайте холод, хмарь и вьюги...» о южной ссылке Пушкина указывает на то, что много веков назад в этих краях томился великий Овидий.

Прощайте, холод, хмарь и вьюги!
На вас он вовсе не в обиде.
Ему тоскливей жить на юге,
Где десять лет страдал Овидий.

Тоска степей до горизонта.
Поэта скорбные страницы.
Он всё читает «Письма с Понта»,
Всё ищет славную гробницу.

В груди – зажатой страсти вопль.
Весь на виду и всё ж один.
Он тайно мчит в Овидиополь.
Где жил «роскошный гражданин».

Столетий двадцать пролетело,
Куда ни кинь – одни руины.
И только слово уцелело.
Стихи свежи и неповинны.

И что там участь всех окраин –
Смирять поэтов гордый пыл?
Назону участью он равен,
Но не смирился, не остыл.

Из стихотворения «Листовою всё замечено...» мы узнаём, что во время службы Пушкина в Одессе роман в стихах «Евгений Онегин» «пробивается» «сквозь исправлений быстрых шквал».

Листовою всё замечено.
В Одессе – ясный выходной.
И у гостиницы Рено.
Он встал у арки проходной.

Куда ж идти?
Направо – к морю?
Или к театру?
Иль в горсад?
Затихло в нём
изгнания горе,
И рифмы свежие спешат.

Уже прибита пыль дождями.
Пришла желанная пора.
Под золотыми тополями
Ему так пишется с утра.

Есть стих о жизненной телеге,
К Собаньской пылкий мадригал

Пушкин познакомился с Воронцовой в сентябре 1823 года – он только что приехал тогда из Кишинева в Одессу. Здесь он заканчивал I главу «Евгения Онегина». Воронцова произвела на поэта сильное впечатление.

«Елизавета Ксаверьевна Воронцова была одной из привлекательнейших женщин своего времени. Все её существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грацией, такою привлекательностью, таким неукоснительным щегольством, что Пушкин, и Раевский, и многие другие без памяти влюблялись в неё», – отмечает писатель Ф. Соллогуб.

Елизавета Воронцова подарила Пушкину свой портрет в медальоне и кольцо с сердоликовым восьмиугольным камнем, с надписью на древнееврейском языке: «Симха, сын почтенного рабби Ианфа, да будет благословенною его память». Это кольцо Пушкин бережно хранил и считал своим талисманом.

Когда читаешь стихотворение «Елизавета Воронцова», мысленно благодаришь автора за его строки, обращённые к женщине, подарившей Пушкину сердоликовый перстень-талисман против несчастной любви. Для Пушкина талисман не просто волшебный знак, но и поэтический символ надежды поэта на возвращение спокойной и счастливой жизни.

И не свела судьба их раньше,
И позже тоже не свела.
Графиня-полька, генеральша
Свой оберег ему дала.

Его грядущее туманно.
Она своей семье верна,
Как мало сил у талисмана,
А память сердца так сильна.

И переписка их опасна.
Но невозможно всё забыть.
Хоть в миг прощальный было ясно,
Что вместе им уже не быть.

Как и мечтал поэт в Одессе,
Он стал повсюду знаменит.

И лучше тригорских чернил
в мире нет.

Раствор этот чудный
с любовью настоян
На травах, серёжках,
коре и ольхе.
И чудо пространства,
родное, густое
Теперь родниково вскипает в стихе.

В Михайловском Пушкин много работает. Одна за другой ложатся на бумагу строфы третьей и четвертой глав «Евгения Онегина». Делит одиночество с няней Ариной Родионовной. В младенчестве она питала его творческий дар. Когда пришла к нему зрелость, она была его первой слушательницей. Когда поэту было тяжело, «Михайловская муза, подружка и вторая мать» утешала и поддерживала его.

Ему – тоска.
А ей-то радость,
Что Саша в доме,
жив-здоров,
И в нём кипит живая младость,
Но он ещё не понял сладость
Тягучих, зимних вечеров.

Ещё он слушает вполуха,
Что там за спинами поёт,
Начав вязать платок из пуха,
Неутомимая старуха,
Который вечер напролёт

И ей мила её обуза –
О Саше в доме хлопотать.
И рада краткому союзу
Его Михайловская муза,

Подружка
и вторая мать.
Ох, всё не спит он,
полуночник.
Читать французов
выбрал моду.
Но в нём уже
засел подстрочник
С вечерних сказок,
ярких, сочных,
До гениальных переводов.

(«Няне»)

Иван Пущин первый навестил друга в михайловской ссылке. Его предостерегали: «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором – и полицейским и духовным?» – «Я все это знаю, но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении...».

Ну, порезвее же, кобылки!
Уже совсем недалеко.
И золотятся три бутылки
Вина желанного клико

И вдруг куда-то делась вялость.
Пошли, пошли во всеь опор.
Шальная тройка разогналась
И проскочила слёту двор.

И с непромытыми глазами.
С недоуменьем на лице
Хозяин выскочил и замер
На припорошенном крыльце.

Что за негаданная встреча?
Кто там шагает, весь в снегу,
И лапами трясёт за плечи,
И в дом заносит на бегу?

Через три месяца после Пушкина в Михайловское приехал Антон Дельвиг, тоже не смотря ни на какие предостережения. Он провел у Пушкина целую неделю. Утешал его как мог. «Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты...», – говорил он другу.

– Поедем-ка Дельвиг
в Тригорское!

– Поедем.
На днях.
Может быть.
Но я им не чудо заморское.
Не надо меня теревить.

– Ну, что ты лежишь,
как полено,
Иль ловишь докучливых мух?
– Спокойствие, Пушкин,
бесценно.
Движенье опасно,
мой друг.

– Да чем же движенье опасно?
– Пусть радует вас беготня,
А я трачу силы
напрасно.
Играйте, друзья, без меня.

Эх, Пушкин,
когда ещё будет
Такой безмятежный покой?
И пусть меня Вульфы осудят,
С тобою я буду
собой.
(«Дельвиг в Михайловском»)

По возвращении из ссылки Пушкин был приглашён на приём к царю Николаю I. Эту страницу из жизни Пушкина Гузий описал в стихотворениях «Тверских полей туман и ширь...» и «Василий Львович, это я!».

Тверских полей
 туман и ширь.
Бьют монотонные копыта.
Куда теперь пошлют?
 В Сибирь?
Но вроде следствие закрыто.

А, может, есть особый план?
Накажут,
 но не очень строго...

Фельдъегерь,
 тёмный истукан,
Молчит и дремлет
 всю дорогу.

И вот престольная Москва.
Любимый град,
 родная местность.
Только какие тут слова,
Когда такая неизвестность?

Они не виделись шесть лет.
Царю – венец,
 ему – поэмы.
Зачем властителю поэт?
Есть и державные проблемы.

Ему б помыться и смахнуть
Со щёк трёхдневную щетину,
Но никуда не отвернуть,
И рок влечёт неотвратимо.

Зачем?

– Он пригласил

для разговора.

Я был в сомненье.

Между тем,

Моя судьба решилась скоро.

– Но ты в пыли,

небрит, космат.

Ты на приём пойдут едва ли.

– Да мы четыре дня подряд

К царю с фельдъегерем скакали.

Вот, я скажу вам, перегон.

Ну, ладно, всё,

простим, забудем.

Ах, дядя,

я освобождён!

Теперь совсем другими будем.

– Другими?

Пушкины?

Ну-ну.

И что,

всё прошлое закрыто?

Ты приберись,

а я взгляну,

Чем угощать

будут пиита.

Стихотворениями «Венчание» и «Гонорар» Владимир Гузий открывает самые прекрасные и самые трагические страницы жизни Пушкина. Любовное чувство понималось Пушкиным как счастливый дар человека, как могучая сила, наполняющая смыслом дни человеческой жизни. Любовь бывает разной; счастливой или несчастной, взаимной или безответной. Но какой бы она не была, любовь

Он женой околдован,
Он в полёте, он в силе.
Только жаль, «Годунова»
В меру не оценили.

Он всё выше и выше.
Что ему эти платья?
Он такое напишет –
Миллионы заплатят.

Всё теперь для Наташи.
Пусть долги и бездонны.
Ведь должна быть всех краше
Его прелесть Мадонна.

Пусть коробит кого-то,
Что сорит неумело.
Он всё сам заработал,
Он всё тратит на дело.

(«Гонорар»)

Дуэль и гибель Пушкина Владимир Гузий переживал так, будто это случилось вчера. Мысль о смерти является одной из главенствующих в мире сил, независимой от человека. Она наполняет собой всё пространство стихотворения «Секунданты», определяет поведение лирического героя.

Прокладывают два
случайных секунданта,
Как должное, приняв,
свидетелей судьбу,
За Чёрною рекой,
у дачи коменданта
Для русского певца
последнюю тропу.

Сама природа здесь
легла, противореча

Их замыслу, собрав
 всю топь своих снегов.
Но что для чужаков
 названья русских речек
И русские слова
 в сиянии стихов.

Участники того
 смертельного союза
Вдавили в пустоту
 лишь метров двадцать пять.
Но русские слова
 и красоту, и музыку
Безумным сапогам
 уже не затоптать.

Мысль о смерти, которая ожидает всё живущее на земле, волновала Пушкина, так же как и предчувствие своей ранней гибели. Поэту были присущи непреходящие думы о неизбежном уходе в мир иной, что человек не может предугадать «грядущей смерти годовщину», что каждая людская жизнь лишь исчезающая малая частица общего величавого и никогда не останавливающегося в своём развитии потока общемировой жизни. Но, как и любой человек, больше всего на свете он хотел жить.

Зачем внизу толпа клубится?
К чему волненья за окном?
Очнулась сонная столица.
Да что за прок
 в волненье том?
Вот так бы встали,
 не пустили
Всей своей чернью,
 всей толпой
Его
 к заведомой могиле
И к пуле,
 жаркой и тупой.

впасть в отчаяние. Он дарит светлую надежду вечности, непрерывности и неостановимости жизни грядущим поколениям.

Каждый из нас может сказать: «МОЙ ПУШКИН», как это сделал Владимир Гузий, вложивший в свои произведения о Пушкине душу и совесть. Он, пронесший любовь к Пушкину через всю свою жизнь, являет всем нам пример бесконечного преклонения перед талантом и судьбой великого русского поэта. Гузию, как и Пушкину, свойственно ощущение драматичности бытия и в то же время стремление укрепить человека и сострадать ему.

**«Писать о жизни – главная задача...»:
Владимир Гузий о природе творчества,
сущности поэзии и роли поэта в обществе**

*Но надо только трезво понимать.
Что у поэта есть одно богатство:
Не продаваться и не продавать.
Владимир Гузий*

Среди множества традиционных тем в русской литературе тема поэта и поэзии с момента её зарождения является одной из значимых. Это обусловлено особенностями возникновения и развития русской литературы, для которой характерно было особое отношение к Слову. Практически у каждого поэта есть стихотворения, в которых он размышляет о том, сохранится ли его имя в памяти людей новых поколений, поймут ли они страдания его души, откликнутся ли на призыв его Музы.

Наследуя традиции А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, поэты XX века глубоко осознавали своё высокое предназначение и одновременно тяжесть удела поэта, драматичность его судьбы.

Многие русские поэты высказывали своё мнение о поэте, творчестве, предназначении поэзии. «Не тот поэт, кто рифмы плесть имеет» (А. С. Пушкин); «Всю жизнь в толпе людей затерян, порой доступен их страстям, поэт, я знаю, суеверен, но редко служит он властям» (Ф. И. Тютчев). Стали хрестоматийными знаменитые строчки

Ф. Рылеева: «Я не Поэт, а Гражданин», пушкинский призыв: «Глаголом жги сердца людей», горькое лермонтовское обращение к поэту (упрёк или надежда?): «Проснёшься ли опять, осмеянный пророк?», требование Н. А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Общее в решении темы поэта и поэзии: представления о самом поэте, об его избранности и тяжести удела; о принципиальной подневольности творчества, определяемого высшими жизненными началами. Это сочетается с истинной свободой, так как противостоит своеволию и произволу.

Различия позиций: спорность в этой теме связана с проблемой отношений поэта с народом (обществом, государством); поскольку народ ждёт от поэзии пользы, сколь бы разна она не понималась. Драматичность этих отношений – проблема вечная и по определению нерешаемая.

В сознании образа поэта обнаруживается тенденция: от поэта-избранника, противопоставленного миру, обществу, к осознанию необходимости сближения с ним.

Любой поэт задумывается о своём призвании и предназначении, сути своего «божественного ремесла». Задумывался ли об этом Владимир Гузий? Становилась ли тема творчества предметом его поэтических размышлений? Безусловно.

Среди известных в Приамурье поэтов, в творчестве которых одной из сквозных тем стала тема поэта и поэзии, выделяется Владимир Свиридович Гузий. Традиционно для русской литературы эта тема занимает одно из главных мест в его творчестве.

Лирика Гузиева немыслима без стихов о природе творчества, о сущности поэзии, о роли поэта в обществе. На протяжении всего своего творчества Владимир Свиридович обращается к образу поэта. Образ этот постоянно живет в его стихотворениях.

Огромное влияние на Владимира Гузиева указал Александр Пушкин. Тем не менее, поэзия Пушкина – главный, но не единственный ориентир в мире эстетических представлений амурского автора. Поэтическое кредо Гузиева, сформулированное им в стихотворении «Слова имеют свойство воплощаться...», глубоко созвучно эстетическим воззрениям Николая Гумилёва, творившего свою судьбу в стихах.

Несложно заметить, что первые строчки стихотворения В. Гузиева: «Слова имеют свойство воплощаться. / Не надо никогда писать о смер-

ти» в смысловом отношении эти строки близки финальным: «Писать о жизни – главная задача. / Стихи потом судьбою обернутся».

Любопытно, что одна и та же мысль выражена в начале и в конце стихотворения посредством антонимичных образов: жизни и смерти. При этом стихи отличаются и интонационно-ритмическим рисунком. Начальные строки прочитываются спокойно, ровно. В финале же – благодаря чёткому ритмическому строю, а также интонационным паузам – возникает торжественная интонация, обозначающая основной конфликт: между жизнью и смертью.

Всё стихотворение – попытка преодоления лирическим героем тяжёлых предчувствий, мрачных мыслей. Это ощущается уже в первой строфе: «Писать о гибели подталкивают черти. / Господь диктует о любви писать, о счастье».

Второй стих звучит увереннее, торжественнее, основательнее. Он даже визуально как будто бы прочнее и весомее предыдущего. Это чувство возникает благодаря большему количеству пауз в нём, последняя из которых – более продолжительная. Обозначая, таким образом, оппозицию между стихотворными строками, поэт усиливает её за счёт двух следующих стихов, в которых он, наоборот, отказывается от деления на строки: «Писать о детях, о друзьях, о доме, / О снеге, о дожде, озёрах, травах».

В результате происходит их интонационно-ритмическое обособление в структуре стиха в целом, и, несмотря на большое количество пауз, они прочитываются на одном дыхании, создавая ощущение превосходства жизни над смертью.

Жизнеутверждающий пафос также подчёркивается и с помощью многократного повтора в стихотворении слова «писать» в первой, второй и пятой строфах. Этот художественный приём, часто используемый поэтом, в данном случае открывает лирического героя как уверенного в себе, твёрдого в своих убеждениях.

Однако, несмотря на это, а также на оптимистический финал и попытки автора обозначить победу жизни над смертью, что-то мешает принимать это стихотворение как жизнерадостное, полное оптимизма. Более того, в целом оно производит очень тяжёлое, гнетущее впечатление.

Попытка разгадать эту загадку возвращает к разговору о своеобразии построения стихотворения. Уже само по себе сочетание стихов, различных по интонационно-ритмическому рисунку создаёт ощущение дисгармонии.

Писать о жизни –
главная задача.
Стихи потом
судьбою обернутся.

Кольцевая композиция стиха также участвует в создании мрачного колорита и как будто реализует метафору: «Как из стихов сплетается верёвка...».

К сожалению, это ощущение приближающегося конца (которому лирический герой пытался противостоять, а потому оно не сразу прочитывается в стихотворении) оказалось пророческим. В. Гузий скоропостижно скончался 13 апреля 2009 года. Судя по тому, что анализируемое стихотворение впервые было опубликовано в сборнике «Чукчуду», написано оно было незадолго до смерти поэта, открывая в его творчестве острое чувство судьбы, перерастающее в пророчество.

Это позволяет иначе прочитать многие стихотворения В. Гузиев, написанные ранее. Среди них – «Март», посвящённое В. Маяковскому:

В нём много и слезливого,
и спорного,
Но дерзок и талантлив
март московский,
В нём смешение
и жёлтого, и чёрного.
Прямо не март,
а ранний Маяковский.

Всё впереди:
потоки света бурые,
Сверканье молний,
грозы полуночные,
Но так захватывают
первыми ноктюрнами
Простуженные флейты
водосточные.

И понял я за много лет
Средь будней тяжких и весёлых:
Посёлку нужен свой поэт,
Поэту нужен свой посёлок.

Кувукта – капля тишины,
Кувукта – проблеск из тумана,
И в ней, как в зеркале видны
Шторма и штили океана.

Тот океан с названьем БАМ,
Что так легко горами двигал,
Давно рассеялся по снам,
По фильмам, песням и по книгам.

В Москве по строчкам гнали план,
А мы работали без плана,
Всем сердцем слыша океан
И став частицей океана.

Как хорошо, что есть строка,
Что в чьём-то сердце отзовется,
И летописцы есть пока,
Легенда БАМа не прервется.

Пусть нездоровится подчас,
И пусть порой совсем не слышат,
Но надо помнить: кроме нас
Никто легенду не допишет.

(«Жанне Ржевской»)

В стихотворении «Тамаре Шульге» Владимир Гузий утверждает, что «самым главным семинаром» для бамовских поэтов «всегда была Дорога».

Мы из «Звена» пошли, Тамара,
И мэтры нас учили строго.
Но самым главным семинаром
Для нас всегда была Дорога.

Она к себе певцов манила,
Их одаряя голосами.
И что бы с нами в жизни было,
Когда б о ней мы не писали?

Она простёрлась на полсвета,
Вся в золотых созвездьях станций.
Здесь так легко начать поэту
И так не просто им остаться.

Все катаклизмы в истории современной России с особой болью отзываются в душе его лирического героя из стихотворения «Звёздный – 94».

Сколько уж лет световых пролетело...
Но в юность опять возвратиться не поздно.
На плиты перрона я прыгаю смело:
– Ну, здравствуй,
открытый романтикам Звёздный!

Езжайте с вагоном, пустые печали.
Сейчас не хочу прорываться вперед.
И все так свежо, будто в самом начале:
Сумерки. Май. Дым костра. Ледоход.
И вновь ледяное искристое крошево
Грохочет, всплывает, уходит ко дну.
Но в этой картине так мало хорошего, –
Я в ледоходе увидел страну.

Были когда-то сильны и едины,
Хлебом и кровом делились с друзьями.
Теперь от страны только грохот и льдины
С острыми, режущими краями.
И что натворила злодейка – история?..
Там вот светилась палатка «Эстония»,
Рядом – «Армения», дальше – «Литва».
И посредине тягучей распутицы,
Глаза отрывая от умных страниц,
Мы видели чётко грядущие улицы,
Несущие гордо названья столиц.

Но всем на свете угодишь едва ли,
И бес сомненья задаёт вопрос:
– На сколько долларов всего
насочиняли?
На крик души не падает ли спрос?
И что пристал на гребне
бес сомнения?
Да там в низу любой юнец
с трёх нот,
Не прибегая к сложным вычислениям,
Докажет всем, что вы, дружок,
банкрот.

И кулаком по ближней луже брызну!
Взлетят стекляшки синею слюдой.
Да ни их на фиг
с их капитализмом,
Доходом, имиджей
и прочей лабудой.

Покатим вниз.
Куда ещё деваться?
Но только надо трезво понимать,
Что у поэта есть одно богатство:
Не продаваться.
И не продавать

(«На перевале»)

Называя себя «отставшим», «вчерашним», «не принимающим смутного дня», герой лирики В. Гузия приходит к осознанию истинных человеческих ценностей, существующих вне времени и вне пространства.

Я не с правыми,
я не с левыми.
Но я вовсе не в стороне
От садов
с наливными сливами,

С вишней,
пахнувшей по весне.

Я встаю
не под звон будильника
В лиловой рассветной мгле.
Я встаю под цветы
багульника,
Что цветут
на моём столе.

Это честная,
настоящая,
Всем открытая
красота, –
Мёдом пахнувшие,
блестящие,
Расцветающие цвета.

Это белые
и лиловые
Мои земли
легли кругом,
И пшеничные,
и вишнёвые,
И малиновые при том.

Всё размыто.
И всё едино.
И в сплошном
колоброде дней
Мне по сердцу
всегда середина,
Сердцевина
земли моей.
(«Я не с правыми, я не с левыми...»)

Истинные стихи, по мысли Владимира Гузья, могут возникнуть из впечатлений жизни и внутреннего опыта самого искусства, самого художника – двух источников всякого подлинного творчества:

Мечта художника –
альпийские луга
Среди вершин, озёр и водопадов.
Подует ветер –
и метёт пурга
Их лепестков заоблачного сада.

Играют солнцем
на палитре тех лугов
И краска синяя,
и краска золотая.
И давят меньше
глыбы рюкзаков.
Но всё равно
чего-то не хватает.

Здесь мало запахов.
Ведь в климате таком
Не удержаться мотылькам
наивно-белым.
И вдруг прозрачным,
тонким сквозняком
Потянет от камней крутых
несмело.

А это горная смородина
цветы,
Словно певцов,
попрятала под скалы.
И столб невидимой,
но ясной красоты
Стоит и от себя не отпускает.

Так иногда среди пёстрой чепухи,

Где отыскать поэзию нет шанса,
Наткнёшься вдруг на ясные стихи
И дышишь, дышишь,
И не надыхаться.

(«Горная смородина»)

Процесс создания стихов Владимир Гузий воспринимал как таинство. В стихотворении «Наверно, есть же тайный знак...» обнаруживается размышление о том, что поэтом руководит некая таинственная сила:

Наверно, есть же
тайный знак,
Иль может,
формула какая...
Но не найду
в стихах никак,
Лишь мимолётом
Пастернак
На три причины
намекает.
От этой формулы
во мне
Бегут
невидимые слёзы...
Так, значит, я...
Так, значит, не...
И всё былое –
просто проза?
Но, может,
это не всегда,
И новый знак
найти не поздно?
Нет.
«Случай, тайна и беда».
Всё остальное –
несерьёзно.

Исповедальный характер лирики Гузия характеризуется интересом к «поиску себя», осуществляемый поэтом на всём протяжении творчества. Стремление постичь, кто же такой поэт и что представляет собой поэзия как предмет жизни и служения, присутствует в стихотворении «Уйти в работу с головой...».

Уйти в работу с головой...
Уйти в работу,
В дорогу, в мысль, в поток живой,
В находки слёту.

Пишу и чувствую: повтор –
«Свеча горела» Пастернака,
А надо свой сплести узор,
Успеть, однако.

Но даже Лермонтов писал
Строфой онегинской поэмы.
Размер всего лишь материал
К раскрытию темы.

Не зря пути в метель и в тишь
Вели умельцы.
Так в быстром поезде летишь,
Не видя рельсов.

И пусть незнание
в глазах
И о вторичности
нытьё,
Ведь старый Гёте так сказал:
«Всё, что цитирую, –
моё!».

О мироощущении, мироотношении поэта лучше, чем его поэтическими строчками не скажешь.

Надо научиться исчезать
Из компании и шумной
и случайной,

Читатель много лет растерян –
Гигантов нет.

Прошли все сроки.
Кто вместо них?

Бушков, Пелевин
И, прости Господи, Сорокин?

Но что желать
в конце концов нам,
Каких открытий новых истин?
Ведь есть Маринина, Донцова,
Ещё десяток русских Кристи.

Был век серебряный, железный,
Был век поэтов золотой.
Теперь в поэзии застой.
Искать эпитет бесполезно.

Но, может быть, нам плакать рано?
Нельзя поэзии без сдвигов.
Вон как блистает по экранам
Неутомимый Митя Пригов.

...А разве быть могло иначе?
Иссякли силы у народа,
Когда такая нехватка
Идёт с семнадцатого года.

Несмотря на невесёлые мысли, Владимир Гузий считает, что «плакать ещё рано» над «застоем в поэзии». Ведь каждый раз русская поэзия рождает к жизни великие темы и великие таланты, стоит вспомнить только «век серебряный» и «век золотой».

Гузий утверждает кровную, неразрывную связь искусства и рождаемого им чувства – отклика человека на его волшебную, необъяснимую силу. Показательно в данном аспекте стихотворение «Грибами пахнет лес...», посвящённое Тамаре Шульге.

А он, всем космическим бурям назло,
Дожил, долетел, устоял.

Ладонью дотронусь – повеет теплом
Посланца далёких миров.
А мы-то имеем и семьи, и дом,
Стихи, и друзей, и врагов.

И, если по мелочи не распылим
Железные души свои, –
До звёзд долетим, доживём, устоим,
Тем более, мы не одни.

Жизненные и творческие силы черпал Владимир Гузий и в «целебных, бинтующих» строках поэзии Олега Маслова – известного амурского врача-поэта.

Невзгод вдруг навалится масса –
Хоть в петлю, а хоть в полынью...
Олег Константинович Маслов
Подарит мне книгу свою.

Он видел такие страдания,
Он стольким несчастным помог
И знает секрет созидания
Целебных, бинтующих строк.

И что я раскис, в самом деле?
Ведь мне столько Богом дано:
Ведь есть же душа в брэнном теле,
И тело не так уж бедно.

Любовь и о детях заботы –
Семейный размеренный круг.
И стыд наползёт от чего-то, –
С чего я расклеился вдруг?

Ведь боль непременно отступит,
Друзья возвратятся опять,

Грехи свои власти искупят
И станут народ понимать.

Да надо залиться от смеха,
Как хворость, тоску извиняя,
Ведь Горин, Булгаков и Чехов,
И Маслов врачуют меня.

Нужнейшая в мире порода
Людей в человеческом ряду.
И словно к глотку кислорода,
Я к книге врача припаду.

В стихотворении «Гость» Гузий описывает приезд поэта Александра Бобошко – «серафима однокрылого» в город Тынду – «наш бамовский край». Во время радостной встречи друзья-поэты обсудили волнующие их вопросы и новости, вспомнили заветное «о целой стране беспокоясь / И всё ж о друзьях не забыв». Провожая гостя лирический герой Гузия, пришёл к выводу:

Судьба у поэтов такая,
Предписано им на веку:
Столкнувшись, они высекают
Не брань и не ложь, а строку.

Владимир Гузий дружил со многими бамовскими строителями-поэтами – один из них Виталий Михайлович Лукашенко, прошедший бамовскую школу поэтического мастерства. За восемнадцать лет работы на БАМе он написал не один десяток стихов о бамовцах, о важных событиях в истории стройки. В 1993 года Лукашенко переехал жить на Кубани, а Гузий оказался в числе тех, кто сохранил верность суровым краям Амурской области. Но территориальная удалённость друг от друга не мешает настоящим друзьям встречаться и общаться. Лейтмотивом стихотворения «Виталию Лукашенко» можно назвать следующую мысль: «Но главное, что дружбы не отнять» у тех, кто помнит, «что есть на свете Поэзия», потому, что «мы выжили, Поэзию любя», которая окрыляла друзей-поэтов строителей БАМа долгие годы.

Одни стихотворения имеют иронический характер и в жанровом отношении напоминают эпиграммы.

...И ревность,
ревность,
через столько лет.
Да, он не ими вовсе
очарован.
Имеет право выбора поэт.
Прекрасны поэтессы,
спору нет.
Но для него прекрасней
Гончарова.
(«Ахматова, Цветаева и Пушкин»)

В других В. Гузий размышляет о трагических судьбах поэтов. Так, в стихотворении «Есенин написал посланье кровью...» талантливый русский поэт показан не столько человеком, сколько органом созданным природой исключительно для поэзии в «безбожной отравившейся стране», которой «не до стихов», не до поэтов, но и с «непоэтами быть она не может».

Есенин написал
посланье кровью
Пред тем же,
чем задумала она.
Она не стала.
Здесь не те условия.
Не тот характер.
И вообще – тайна.
Да и кому писать?
Какому другу?
Оно им надо
в горький час земли?
Судьба замкнулась
почерневшим кругом,
И круг качнулся
в образе петли.

Не дай бог...

Не дай бог...

(«На вокзале станции Петров Вал»)

Лирический герой поэзии Гузия схож с есенинским: он автобиографичен, открыт миру, естественен, связан со всем живым на земле; он любит свою малую Родину, тоскует по ней.

Много в мироощущении В. Гузия, равно как и у большинства поэтов, идёт от связи с родной землёй. От неё он черпает силы для жизни и творчества, ей он отдаёт своё сердце. Поэт убеждён – природа живая и ранимая, такой она предстаёт и в его поэтических произведениях. В своих поэтических творениях он заново открывает читателям родную амурскую природу, заставляет увидеть и глубоко почувствовать её.

Здесь когда-то был истинный рай –
Солнце, море в немыслимых дозах,
В январе, в ноябре – вечный май.
И всё в розах,
всё в розах,
всё в розах.

Но зачем-то пришли ледники.
Рай свернулся шагреновой кожей.
Даже мамонты стали редки.
Райский сад стал на сад непохожим.

После долгих бесцветных веков
Отошёл ледниковый период,
Но из прежних роскошных цветков
Только розы и сделали вывод.

Пусть неярки бутонов огни, –
Лёд не только бутоны стирает.
Шишки лиственниц – это они –
Это роза из прежнего рая.

(«Здесь когда-то был истинный рай...»)

Предназначение поэта, цели поэзии, её роль в жизни общества определяются Гузием, как и его предшественниками: Баратынским и Рылеевым, Пушкиным и Лермонтовым, Некрасовым и Маяковским, Блоком и Пастернаком, Ахматовой и Цветаевой – в конкретно-историческом и в общефилософском смысле. Неизменным остаётся пушкинское понимание важнейшей миссии поэзии – служение правде, добру и культуре.

Оригинальное, современное воплощение находит в поэзии Владимира Гузиев каноническая для русской литературы тема поэта и поэзии. Перед нами своеобразный разговор с читателем, разговор душевный, чистосердечный, которому автор отдается целиком и с вдохновением, и то же время – разговор поэта с самим собой, со своей душой, разговор очень искренний, прямой. Стараясь писать доступно и просто, вдумываясь во всё, что происходит вокруг, Гузий уделяет внимание всему, каждой мелочи, ведь истинное знание о мире складывается как раз из мелочей, на которые редко кто обращает внимание.

Вера и творчество, надежда и творчество, любовь и творчество не покидали Владимира Гузиев до конца, его душа была открыта новому, готова к размышлению и поиску.

**«ТВОЙ ОНЕМЕВШИЙ ЗВОНКИЙ БАМ...»:
Владимир Гузий в воспоминаниях и оценках
современников**

*О том, что жизнь – всего лишь миг,
Шуршат страницы твоих книг...*
Тамара Шульга

*Судьба у поэтов такая,
Предписано им на веку:
Столкнувшись, они высекают
Не брань и не ложь, а строку.*
Владимир Гузий

У поэтов удивительная судьба, только они могут пережить смерть. Кроме светлой и доброй памяти в наших сердцах остаются стихи. Поэтов, пишущих о БАМе, было много, но стихи Владимира Гузья стоят особняком: меткие, ёмкие, с огромным философским смыслом.

Владимир Гузий любил БАМ, считал возможным трудиться на БАМе – подарком судьбы. Поэт оставил яркий след в жизни «стройки века». На стихи Владимира Свиридовича написана известная песня «Последнее звено», часто звучащая по радио и телевидению во время бамовских юбилеев. Строка из песни «Лучшая дорога нашей жизни» стала названием фильма о строительстве БАМа (1984). Владимир Гузий прошагал почти весь БАМ пешком, чтобы встречаться с интересными людьми, открывать для себя новое в жизни, поэзии. «Без БАМа я никуда, это моя основная тема», – говорил Владимир Свиридович.

*Галина Масленникова,
директор Городской библиотеки,
Почётный житель Тынды*

Пионерский период БАМа ярко воплотился в произведениях многих поэтов, живших и работавших в наших краях, случались удачи и у заезжего литературного люда. Но изрядная порция романтического флера снижала художественную ценность скороспелых виршей, добытых в кавалерийских наскоках на злободневную тему. Иное дело Гузий, он никуда не спешил, обживался навсегда, понимая острее многих, что за каждую легковесную строчку придётся расплачиваться самой высокой ценой. Или тебя будут читать и помнить, или ты канешь во мрак забвения. Не об этом ли одно из лучших стихотворений давней поры «К возвращению...» (1977).

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

В далёкие семидесятые мы были молоды, шумны, беспечны... Как нас было много – бамовцев, пишущих или пытающихся писать. В основном это были ребята из отряда «Московский комсомолец». Далеко не все стали профессиональными литераторами, писателями или журналистами. Жизнь раскидала нас по разным городам и даже странам, но тогда мы были вместе и чувствовали себя поэтами.

Володя выделялся среди нас не только тем, что был самым молодым, но и серьёзностью. Однажды, когда мы после очередного заседания литературного объединения шумной ватагой высыпали из вагончика Олега Федотовича Головки, Володя вдруг остановился и, ни к кому не обращаясь сказал: «А всё равно напишу книгу о Пушкине...». «Напишешь, куда ты денешься, – хлопнул его по плечу вышедший проводить Олег Головка.

Володя сдержал слово и осуществил мечту, от которой никогда не отказывался. Порой мне казалось, что Александр Сергеевич воспринимается им как очень близкий родной человек. К Пушкинским праздникам в Тынде, начиная с самого первого, Володя относился как ко дню рождения очень дорогого члена семьи, и мог ответить на любой вопрос о Пушкине.

Мне казалось, что почти за тридцать лет дружбы я изучила Владимира как родного брата, но только сейчас поняла, что он чувствовал себя не только человеком XXI века, но и современником Пушкина.

Я не знаю, как он воспринимал само время, не было повода спросить, но, видимо, его «здесь и сейчас» вмещало и прошлое, и будущее.

*Тамара Шульга,
строитель БАМа, поэт, прозаик*

Мой телефон вдруг зазвонил под вечер.
Лечу встречать тебя, включив огни.
Я рад, дружище, каждой нашей встрече,
Хоть редкие теперь у нас они.

Вопросов у меня к тебе с избытком,
Всё поскорее хочется узнать.
Я угощу тебя своим напитком
И попрошу о БАМе почитать.

Мы просидим с тобою до рассвета.
Нас не пьянит кубанское вино,
И песня наша главная не спета:
– Давай споём – «Последнее звено».

Ведь наши дни и годы,
Ведь наши дни и годы,
Как заводные часики, идут.
И наши пароходы,
И наши пароходы
Давно, мой друг, нас у причала ждут!
«Вот и всё, замкнулось полотно...».

*Виталий Лукашенко,
строитель БАМа, поэт, друг В. Гузия*

Дорога, выбранная однажды в юности, определяет дальнейшую судьбу человека. Владимир Гузий сделал свой выбор в 1975 году, приехав на строительство БАМа в составе ударного строительного отряда «Волгоградский комсомолец». И первые стихи родились на БАМе. Он строил Дорогу, писал о Дороге и остался верен ей до конца...

13 апреля 2009 года Владимир Свиридович Гузий умер от внезапной остановки сердца. Остановилось сердце, а колеса состава продолжали отстукивать ритм продолжающейся жизни.

Остались его стихи и его Дорога. Наша с вами дорога – Байкало-Амурская магистраль.

*Людмила Юрченко,
участница литстудии «Звено»*

...БАМ потряс страну, подарил радужные ожидания экономических чудес, многие из которых так и не сбылись. <...>

Идут по магистральным рельсам грузовые эшелоны с древесиной, якутским коксующимся углём, рудой и прочими дальневосточными полезностями. Страна потихоньку богатеет, прирастая плодами трудов поколений бамовцев. <...> Кто-то уехал обратно в родные места за Уральским хребтом. Кто-то навсегда лёг в мёрзлую землю среди сопок и марей, которые пронзает БАМ. Многие пустили корни в почву новой родины. Среди них одной из самых ярких фигур видится поэт Владимир Гузий. Он остался жить и работать в Тынде, жители которой назвали своим Почётным гражданином. Ореолом легенд он успел окутать себя при жизни. Одна из них рождена подвигом, который, насколько мне известно, никто ещё не повторил до сих пор.

Помнится один из наших разговоров с Володей, когда мы оба участвовали в VII Всесоюзном совещании молодых писателей СССР ранней зимой 1979 года. <...> Я спросил товарища, о чём он мечтает. Тогда этот вопрос был уместен, сегодня я вряд ли бы задал подобный. Володя долго молчал. «Хочу пройти трассу от Усть-Кута до Ванино... Пешком... Конечно, не враз, а по частям, но чтобы они составили обязательно ровную линию...». Он так и сказал: «хочу»,

а не «мечтаю». Голос звучал спокойно, без пафоса и поэтического нажима. И я понял, что он это делает. И Владимир сдержал слово, время и товарищи тому свидетели. Он неоднократно поднимался на самые высокие пики Кодарского хребта, сплавлялся по бурным таёжным рекам, разжигал костры у скальных прижимов, смотрел в бездонное звёздное небо. Испил чистойшей байкальской воды и стоял на берегу татарского пролива, смахивая со щёк солёные брызги прибоя. Был участником укладок «серебряных» и «золотых» звеньев магистрали на восточном, северном и западном участках БАМа, сбоек Северомуйского и Нагорненского тоннелей.

И везде он писал стихи – упругие и честные строчки о времени и о себе. А значит и обо всех строителях магистрали.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

«Умер Владимир Гузий – известный БАМовский поэт».

Эта строчка 13 апреля 2009 года мгновенно появилась на многих интернетовских сайтах. Друзья Владимира бросились к телефонам. Тында молчала. «Где? Как? Может это ошибка? Не может быть!». Но и к исходу суток горестная весть подтвердилась. Володя действительно умер в возрасте 53-х лет. И буквально во все газеты попал снимок, сделанный Людмилой Юрченко в 1978 году.

Володя Гузий – лучший комсомольский поэт эпохи Байкало-Амурской магистрали.

На БАМ он приехал из Волгограда в самом начале стройки – в мае 1975 года. Было ему всего 19 лет. Люди, отправившиеся на БАМ со всех концов ныне уже несуществующей страны, представляли собой удивительную галерею типажей, характеров, судеб. Русские и грузины, украинцы и белорусы, коренные сибиряки и эстонцы. На БАМе быстро возникла какая-то своя, особая общность людей. Наверное, так же сплавливались в единый народ переселенцы из разных стран Европы, когда осваивали просторы Америки.

Володя Гузий мало чем отличался от большинства бамовских работяг. Прокладывал линии электропередачи, кочевал по таежным разухабистым дорогам, жил в вагончиках. А по вечерам писал в заветную тетрадку стихи. Благодаря им стал знаменит. Его произи-

тельные слова, написанные в день стыковки магистрали осенью 1984 года, у тысяч суровых бамовцев вышибали слезы...

Поэтов на БАМе в те годы было много. Дух романтики витал здесь столь же плотно, как утренние туманы в низинах между сопками. Не меньше было всевозможной перелетной публики – фанатов «длинного» рубля, карьеристов, авантюристов. А потому не удивительно, что после 1991 года, когда о завершении последнего великого советского проекта уже не могло быть и речи, тысячи людей потянулись с БАМа в более тёплые и сытые места. Володя Гузий оказался в числе тех, кто сохранил верность этим суровым краям. Он остался в бамовской столице – Тынде.

Владимир Гузий никогда не рвался к известности, был лесорубом и электромонтером, монтажником и художником-оформителем, мотористом и учителем русского языка, слесарем и журналистом...

Ирина Котельникова

Я под крик петухов спозаранок
По строкам, как по снегу, иду.
Друг прислал мне бесценный подарок –
Новый сборник стихов – «Чукчуду».

И в душе что-то вдруг встрепенулось,
Память бросилась к давним годам,
Будто вновь наша юность вернулась,
И дорога с названием – БАМ.

Ведь о том, что я очень скучаю
По былым временам, не секрет,
И поэтому всех привечаю,
Кто везёт мне из Тынды привет.

Как хочу побродить с тобой, Вова,
В сопках, там, где багульник стоит,
И в промёрзшем автобусе снова
На стыковку рвануть, в Беркакит.

Только молодость-то невозвратна!
Время ставит на лица печать.
Не вернуть то, что было, обратно.
Остаётся лишь только – мечтать.

*Виталий Лукашенко,
строитель БАМа, поэт, друг Владимира Гузия*

Во время нашей последней встречи он сказал: «Ну вот, «Пушкинский праздник» сдал в печать, сейчас съезжу в отпуск и можно спокойно дожидаться внуков.

Но жизнь распорядилась иначе. Поэт написал хорошую книгу о великом русском поэте Пушкине и будто подвёл черту под своей жизнью, под своей юношеской мечтой. Из отпуска он не вернулся... БАМ, который был его второй после Пушкина поэтической страстью, онемел.

Может быть, кто-то ещё напишет хорошие стихи о магистрали, о Тынде, о Пушкине... Но так, как делал это Владимир Гузий, – не сможет никто, потому что знать столько о Пушкине и о БАМе не каждому под силу. Не каждому дано так чувствовать словами и мыслить образами.

*Тамара Шульга,
строитель БАМа, поэт, прозаик*

Гузий прикасается к пушкинской жизни не пером реставратора и обновителя, а всем сердцем, не выдержавшем в итоге высочайшего напряжения нравственной ответственности перед громадной темой. В типографских выходных данных «Пушкинского праздника» значится, что книга подписана в печать 14 апреля 2009 года.

А днём ранее Владимира не стало... Его вдова Ирина Николаевна написала мне позже, что очередной отпуск муж отправился с целью продолжить творческие поиски, связанные с посещением литературных мест России. намеревался заехать в Краснодарский край

и к другу-поэту Виталию Лукашенко, с которым они сблизились на БАМе. Но не доехал... Сердце остановилось в Волгограде, там и лёг на кладбище рядом со своей матерью Любовь Михайловной. Что это как не судьба?

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Я живу за городом, на даче,
В тридцати минутах от тебя.
Здесь, в лесу, кукушка громко плачет,
О птенцах покинутых скорбя.

Здесь ручей хрустальною водою
Так и манит путника испить.
Приезжай, и мы пойдём с тобою
По знакомой рощице бродить.

Приезжай, мой друг, ведь путь недлинный,
С остановки – сотни три шагов.
Покажу тебе кусты малины
И лужайки, полные грибов.

Ну, а если выпадет удача,
Выйдет лось к нам, ветки теребя.
Приезжай, мой друг, ведь наша дача
В тридцати минутах от тебя.

*Виталий Лукашенко,
строитель БАМа, поэт, друг Владимира Гузья*

Владимир Гузий, бамовский поэт, из тех людей, что делают свою биографию сами. Родился за год до запуска первого искусственного спутника Земли и всерьез увлекся астрономией. Хотел

профессионально изучать звездное небо, но не прошёл по конкурсу в МГУ. Интересно, есть ли сегодня подобные чудачки? Есть ли сейчас где-нибудь такой конкурс: восемьсот человек на 25 мест?

Не повезло пареньку из поселка Петров Вал, что в двести километрах от Волгограда. Однако нос вешать не стал, удивил родичей заявлением: «Я писателем стану. В Литературный институт имени Горького учиться пойду». До сих пор помнит взрыв смеха. «Докажу, – подумал он тогда, сжав зубы. – Имеют же успех мои стихи в школьном КВНе». Никому ничего не говоря, собрался на БАМ. Мать вцепилась в чемодан, зарыдала: «Не пушу! Бамовцы – отпетые уголовники. Не езжай». «Меня направили по комсомольской путевке, – возражал сын. – Чтобы попасть на БАМ, пришлось пройти испытательный срок». Летом 1975 года Гузий в составе отряда «Волгоградский комсомолец» оказался на строительстве новой железнодорожной магистрали. Он же стал первым дезертиром, по выражению комсорга отряда. А он всего-навсего понял, что в Моготе – не его место: хочется ему прокладывать линии электропередачи, а не водить бульдозеры. Владимир подался в Сковородино, а потом в Тынду в составе энергопоезда. По словам Гузия, из того отряда в 57 человек он единственный, кто на БАМе до сих пор. В Моготе состоялась знаменательная встреча Володи с редактором бамовской газеты Иваном Шестаком. Последний заметил в рабочем общезитии стенгазету, заинтересовался стихами: «Хорошие стихи. Познакомьте с автором!». Через пару месяцев ребята принесли газету с поэтической подборкой Владимира Гузия. Учащённо забилося сердце молодого поэта: «Сказал же, что буду учиться в Литинституте!». Едва оказался в Тынде, бросился искать литературную студию «Звено», обратился к прохожим: «Мне сказали, что она в какой-то бочке». И верно: тындинцы жили в огромной бочке, которая приспособлена для суровых климатических условий... Руководитель «Звена» Олег Головкин воскликнул при встрече: «Я знал, что Гузий обязательно придет к нам». Вручил Володе ключи от резервуара, и в такой «посудине Диогена» Гузий прожил три месяца, написав громадное количество стихов. Когда Шестак опубликовал часть из них, поэт стал знаменитым на БАМе. Помощники министра путей сообщения прибегали за автографом: «Мы скупили последние двадцать номеров. Распишитесь». На волне успеха Гузий отправился в Москву и поступил в желанный институт. Руководитель семинара предло-

жил ему перейти на очное обучение. «Что вы! – отказался Гузий. – Я же ещё ничего толком не видел на БАМе». «Удивительно! – оторопел педагог. – Другие студенты чуть не на коленях ползают – просят перевести на очное». А потом, в 77-м году, на БАМе состоялся семинар молодых поэтов. В только что открывшейся школе, ещё не отапливаемой, они сбрасывали тулупы, выходя на сцену, и читали свое, прочувственное, наболевшее... Зал взрывался от восторгов. Это было незабываемое время, когда человека ценили за талант, а не за умение обогатиться. Приезжали московские поэты, учили, поправляли. А потом приглашали к себе, на совещание молодых писателей. Володя Гузий днем тянул провода, а вечером усиленно корпел над стихами. Впрочем, одно его сочинение имело необычное продолжение. Написано было за двадцать минут... на спор. Хотелось доказать баумовскому барду Сергею Железнякову, что он тоже может написать песню. Железняков текст прочёл, но не загорелся идеей сочинить музыку. Татьяна Денисова, тоже местный бард, раскритиковала «Последнее звено» в пух и прах: «Как это, оркестр громом брызнет? Не бывает такого». Иван Шестаков принялся ворчать: «С чего ты решил, что последнее звено будет уложено зимой? А вдруг летом или осенью? Ладно, публикую, но под другим названием «Воспоминание о будущем». Через год, в восемьдесят третьем, на баумовском фестивале бард Софья Хмелевская взмолилась: «Ребята! Дайте какой-нибудь текст. Хочется свежее спеть». Ей сунули газетную вырезку со стихами Гузья. Софья прикрепил её к корпусу гитары и, кося на листок глазами, спела. Реакция была неожиданной. Тындинцы буквально ревели от восторга. Пришлось Хмелевской выучить слова и спеть ещё раз во Владивостоке на фестивале «Приморские струны». «В Тынде успех моей песни понятен, – говорит Гузий. – Но то, что она получила Гран-при во Владивостоке, для меня приятная неожиданность. По словам Хмелевской, с этой песней она вдруг стала желанным гостем в любой палатке. А в восемьдесят четвертом году песня «Последнее звено» оказалась как нельзя кстати. Угадал ведь поэт – стыковка состоялась именно в зимние холода. Самый большой гонорар в своей жизни он получил именно тогда, при укладке «золотого звена». Подходили совершенно незнакомые люди: «Правда, это вы написали о последнем звене? Спасибо!». Жали руки. Ещё б не стать песне популярной, когда её длительное время передавали на волне радиостанции «Маяк»! А тут и фильм москвичи поста-

вили под названием «Лучшая дорога нашей жизни», используя строчку из песни Гузия. Само же сочинение звучало в фильме уже солидно – под симфонический оркестр. Вот вам и песня, написанная на спор! Володя Гузий – романтик. И не боится этого определения, хотя над ним капитально поиздевались циники... Сказал ведь себе в середине семидесятых: «Мой Петров Вал появился 6 августа 1942 года благодаря БАМу. В этот момент все горело и рушилось, а здесь (невероятно!) создавалось. Рельсы перевезли с того первоначального БАМа и проложили железнодорожную ветку... Поеду отдавать долг». Мама страшно боялась, что ее сын поедет в край уголовников и чуть ли не станет им. А он стал почетным жителем Тынды – столицы Байкало-Амурской магистрали.

*Александр Бобошко,
журналист, бард, поэт*

Поэзию Владимира Гузия нельзя спутать с творчеством других авторов. У неё собственный стиль, особая интонация. Изысканная простота стиха, богатая рифма, несложные запоминающиеся метафоры и сравнения, ненавязчивая звукопись – всё это позволяет говорить о поэтической одарённости Владимира Гузия.

*Ирина Назарова,
доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ*

Ответ другу

Хотел и я, в твою «глухую ссылку»,
К тебе, мой друг, приехать налегке,
А шлю всего лишь скромную посылку
При нашем всероссийском бардаке.

Я знаю, ты б обрадовался встрече
И истопил для друга сотню бань.

Не огорчайся, ведь ещё не вечер
И понапрасну душеньку не рань.

У нас и здесь есть бамовская баня,
В ней стены я лиственкою обшил,
Да, приложив немножечко старанья,
И веничков дубовых засушил.

И помня клятвы тындинские наши,
Когда делили радость и нужду,
Наполнив до краёв хмельные чаши,
Тебя я на Кубани в гости жду.

Здесь надо мною тоже нет надзора,
Я друга отличу от подлеца,
В одном лице имея прокурора,
Судью и стихотворца и бойца.

И вечерами, в доме нашем тихом,
Не плачу горько над своей судьбой.
Друзей моих не поминая лихом,
Как праздника, я встречи жду с тобой.

*Виталий Лукашенко,
строитель БАМа, поэт, друг Владимира Гузия*

Доброта была одной из черт его характера. Владимир действительно был добрым. Но не добреньким. Он всегда был готов прийти на помощь, даже если человек, попавший в беду, когда-то его обидел. Однажды я спросила, не с него ли Агния Барто списала стихотворение «Вовка – добрая душа», он засмеялся и сказал: «Да я и сам не знаю, почему так получается».

*Тамара Шульга,
строитель БАМа, поэт, прозаик*

Он не спешил с публикациями, пробовал силы в прозе и драматургии. Невзирая на занятость по работе, семейные хлопоты и туристские увлечения, успешно учился в Литературном институте. Разумеется, заочно. Довольно поздно, в зрелом возрасте, занялся изданием своих книжек, что сейчас, при внешней лёгкости, почти детективное занятие. Причём, первую – он выпустил, похлопотав заодно и о публикации стихотворений Тамары Шульги и Жанны Ржевской.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Прибыв на строительство БАМа в 1975 году в составе ударного отряда «Волгоградский комсомолец», Владимир с первых дней стал активным участником грандиозной стройки. Работал в мехколонне, в Дирекции строительства БАМа, в бригаде монтеров пути, в редакциях газет «БАМ», «Дальневосточная магистраль» с огоньком и задором, получал удовлетворение от сделанного. За эти качества ценили и уважали Гузия. Он быстро влился в состав литературной студии «Звено», объединившей творческих и духовных личностей на БАМе.

Он работал и созидал, учился сам и учил других. Он был лёгок на подъём и с рюкзаком в компании друзей-туристов сплавлялся по рекам, покорял хребты Кодара, взошёл на пик «БАМ». Он любил жизнь во всех её проявлениях. Но больше всего на свете любил писать стихи. Сегодня БАМ невозможно представить без поэзии Владимира Свиридовича. Он воспел его в стихах и песнях, оставив для нынешнего поколения и потомков незабываемые строки о героическом труде советских людей, строивших дорогу, ставшей для них лучшей дорогой жизни.

Яркий след оставил Владимир Свиридович Гузий в том огромном регионе, в который вдохнула жизнь Байкало-Амурская магистраль. Его хорошо знали не только строители и железнодорожники в Усть-Куте, но и в посёлках золотодобытчиков и геологов. Он много писал как журналист о людях БАМа, практически создавая летопись.

*И. М. Шестак, В. В. Мигунов,
В. Н. Задоя, В. Н. Пьянов,
А.П. Ищенок, В.И. Краснощёров*

Выпускали стенгазету. С заметками, как обычно, было негусто – все были заняты своими делами и впечатлениями, писать не хотели. Тут и решил он заполнить оставшееся пространство стихами собственного сочинения. Сделал, выпустил газету и забыл о ней. Но потом её вместе с другими газетами вывесили в красном уголке общезжития. Увидел её редактор многотиражки «БАМ» Иван Михайлович Шестаков. Стихи ему понравились. Но Володя не знал об этом. Когда ему в Сковородино привезли свежий номер газеты со стихами, он сначала удивился. А потом задумался: может из этого что-то серьёзное может получиться?

*И.А. Зеленкова,
сотрудник Тындинского филиала
областного краеведческого музея*

Из тындинских поэтов Олег Головки особенно выделял юного Владимира Гузиева, относился к нему поистине по-отечески. Насколько помню, Володя работал тогда в одном из подразделений дирекции БАМа, устроил его туда Головки. Много позже Гузиев отблагодарит своего наставника поэтическими строчками. В сборнике «Чукчуду» (2008) имя Головки встречается дважды. Вот четверостишие из стихотворения «Пушкинский праздник в Тынде»:

И, странички листая,
Широко-широко
Прямо с жару читает
Сам Олег Головки.

А эта цитата из стихотворения «Тындинские поэты»:

И стоит мне зажмуриться,
То сразу вижу, как легко
Хмельной апрельской улице
Стихи читает Головки.

Недавно, я ещё раз перечитывая самую полную антологию стихов о БАМе «Цветы багульника» (Новосибирск, 2004), составленную Владимиром Гузием, в которой напечатаны стихотворения ста тридцати поэтов, многие из них непосредственно участвовали в строительстве: рубили просеки, укладывали рельсы и шпалы, возводили города и поселки. Почему-то вспомнились строки автора знаменитой песни романтиков «Бригантина» Павла Когана, погибшего во время Великой Отечественной войны: «... Впопыхах плохие песни мы сложили о паразитических делах».

Может быть, эти слова в какой-то степени относятся и к бамовским поэтам. Да, мы часто писали впопыхах, второпях, стремясь, как могли и умели, запечатлеть этапы и события стройки, порою стихи получались излишне пафосными и «барабанными», далеко не все они выдержали испытание временем.

Валерий Черкесов, поэт, прозаик

Книгочей до мозга костей, он все свободные книги тратил на покупку книг – русских и зарубежных классиков, современных переизданий бестселлеров. Комнаты его квартиры сверху донизу были уставлены фолиантами, не вмещающимися на стеллажах и выпадающими из шкафов. Однажды я повстречал Гузия с десятитомником сочинений одного из известнейших отечественных композиторов. Он тащил его из тындинского книготорга в объёмистом походном рюкзаке. Килограммов пятнадцать, не меньше, сплошных нот в добрейших кожаных переплётках с золотым теснением и астрономическими по тем временам ценам на обороте. «Зачем тебе это?», – не удержался я от простецкого вопроса. Володя лишь усмехнулся: «Что ты! Это ведь Шостакович...».

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

С Владимиром Гузием я познакомился в первые дни приезда Володи на БАМ. Наверное, судьбе было угодно, чтобы мы встретились. Весна 1975 года. Будучи в Моготе, заглянул в общежитие, где

только что разместились посланцы комсомола Волгоградской области. В коридоре барака бросилась в глаза стенгазета «Волгоградский комсомолец». Среди материалов, рассказывающих о пути на БАМ, обратил внимание на стихотворение, под которым стояла подпись: В. Гузий. Автор в поэтической форме высказал свои мысли, своё я к произошедшему в его жизни событию. Высказался незаурядно, чем и заинтересовал меня. Проходящий мимо парень и привел меня в комнату, где мы и познакомились. Володя, стесняясь, признался, что пробует писать, но пока рано выносить сочинительство на публику. Стихотворение в газете – первая попытка публичности написанного. Покидая общежитие, мы договорились не терять друг друга.

Так оно и было. Смерть Володи в 2009 году прервала наши отношения, но не отодвинула друг от друга, не развела в разные стороны. Со мной его образ, его прекрасная поэзия, к которой всё чаще обращаюсь в последнее время.

*Иван Шестак,
строитель БАМа,
создатель и руководитель литературной студии «Звено»,
Почётный гражданин Тынды*

Володя трепетно обожал творчество гениального Пушкина. Пожалуй, стоило бы покопаться в творчестве самых известных отечественных поэтов: написал ли кто-нибудь из них столько же интересных стихотворений на тему жизни и творчества Александра Сергеевича, как наш земляк? Помимо того что Гузий основательно знал предмет своего восхищения, он ещё и путешествовал по местам, связанным с жизнью поэта. Например, был в доме поэта в знаменитом Михайловском. Сколько тонких замечаний сделано, сколько мыслей и эпитетов по поводу всего, что связано с Пушкиным!

*Александр Бобошко,
журналист, бард, поэт*

Разве может иссякнуть народная любовь к Пушкину и вечное стремление напитаться у него животворящего источника новых сил?

Вот почему до сих пор жив в Тынде праздник пушкинской поэзии, одним из организаторов которого был до самого последнего вдоха Владимир Гузий. Праздник этот не самый массовый в стране, чтящей Поэта, но без него картина была бы не полная. Долгое время доминантой творчества Владимира была Дорога. Пишу это слово с заглавной буквы, потому что, прочитав «Пушкинский праздник» от корки до корки, сверив его с предшествующими книгами, вновь убедился, что у настоящей Дороги не бывает конца. Как не бывает конца и забвения у настоящих поэтов, к числу которых принадлежит Владимир Гузий.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Памяти Владимира Гузия

Не верю, верить не хочу!
Ему всё было по плечу, –
Он многое умел и мог...
А лучших забирает Бог.
И всё же, слышишь, подожди,
Ещё не начались дожди,
Ещё на речке снег и лёд...
Дружище отмени полёт!
Предугадать нам не дано,
Когда «замкнётся полотно»
И будет «выложен портал»...
Ведь ты любил и ты мечтал!
О том, что жизнь –
всего лишь миг,
Шуршат страницы твоих
книг,
Но их читает по губам
Твой онемевший звонкий БАМ...

*Тамара Шульга,
строитель БАМа, поэт, прозаик*

Владимир Гузий из той породы людей, которые берутся за дело основательно и крепко. Приехав в Тынду в составе строительного отряда «Волгоградский комсомолец» в 1975 году, он влюбился в Дальневосточную землю. И она тоже ответила ему любовью. Да! Иначе не стал бы юный монтер-электрик известным не только на БАМе, но и в СССР поэтом. А ещё он прозаик и художник, газетчик и тележурналист. Прошёл пешком всю трассу «стройка века», взбирался на вершины Кодара, сплавлился по горным порожистым рекам. Впрочем, прочитайте его стихи, и вы поймёте, почему он стал в итоге почётным гражданином города Тынды.

Редколлегия альманаха «Приамурье-2003»

**«ТОЛЬКО В ТЫНДЕ ПРОСТОРНЕЙ И ПРОЩЕ...»:
методические рекомендации к изучению жизни
и творчества Владимира Гузия на уроках
литературного краеведения**

*Только в Тынде просторней и проще.
Там и люди понятнее, ближе –
Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что-нибудь знаю,
Словно к тайне земной припадаю.*
Владимир Гузий

Урок литературного краеведения.

Тема: «Городские мотивы в лирике Владимира Гузия»

Литературное краеведение призвано расширить и обогатить знания учащихся об истории и культуре своей малой родины. Ценность уроков литературного краеведения заключается не только в получении новых знаний, но и знакомстве с местными художниками слова, реальными героями, живущими или жившими в нашем регионе, возможности увидеть природу родного края, запечатлённую в поэтическом и прозаическом слове, образе, проникнуть в глубинный смысл произведения и позицию автора.

В 10-11 классах можно провести урок изучения поэзии В. С. Гузия.

В 11 классе программой под редакцией А. Г. Кутузова предусмотрено изучение поэзии в нескольких тематических блоках: «Художественный мир русской поэзии начала XX века», «Автор – образ – читатель», «Литература последнего десятилетия XX века», «Литература последнего десятилетия».

После изучения лирики А. А. Ахматовой и Б. Л. Пастернака (блок «Литература последнего десятилетия XX века») можно провести урок литературного краеведения по теме «Городские мотивы в лирике Владимира Гузия».

Урок опирается на полученные ранее знания и практические умения учащихся добывать информацию, выступать с сообщением, участвовать в беседе, высказывая собственную точку зрения, решать

учебные задачи. В урок включаются задания, формирующие коммуникативную компетенцию учащихся, то есть владение разными видами речевой деятельности (монолог, диалог, чтение, письмо), умение воспринимать чужую речь и создавать собственные высказывания, а также информационную компетенцию, то есть владение навыками самостоятельной учебно-поисковой деятельности по отношению к информации в учебных пособиях и окружающем мире.

Перед проведением данного урока учащимся в качестве домашнего задания было предложено взять в библиотеке сборник стихотворений В. С. Гузиев «Чукчуду» и выбрать стихотворения о городе Тынде и его жителях. А также вспомнить литературоведческий термин «мотив»: дать определение, вспомнить его признаки и функции.

Особое значение для постижения художественного мышления и сознания В. С. Гузиев, выявления характерных особенностей его поэтики имеет включение в урок элементов мотивного анализа.

Термин «мотив», имеющий в литературоведении разнообразные трактовки, рассматривающийся с нескольких аспектов, значительно усложняет его понимание в школьной практике преподавания литературы и часто остается для учеников отвлеченной абстракцией. Первые этапы формирования теоретико-литературного понятия «мотив» начинаются уже в 5 классе. Одна из важных задач на этом этапе – показать такие основные признаки мотива: повтор (переход из одного произведения в другое) и вариативность (способность меняться). Например, уход сказочного героя из дома, для выполнения какого-либо задания; появление волшебного помощника или волшебного предмета являются сказочными микротемами, имеющими свои варианты. В результате, у пятиклассников формируется умение узнавать «бродячие» сюжеты при сопоставлении сюжетов сказок, выявления сквозных элементов, переходящих из сказки в сказку.

Понятие «мотив» формируется с 7 класса, определяются функции мотива и его значение. На уроках литературы изучаются мифологические, фольклорные и библейские мотивы, которые на данном этапе являются базовыми.

В старших классах изучаются особенности и возможности мотива, вводится понятие «лейтмотив», признаком которого является его обязательная повторяемость в пределах одного и того же произведения.

С темой города и «городскими» мотивами учащиеся знакомились при изучении творчества А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лер-

монтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Н. Некрасова, А. Блока, В. Брюсова, Ф. Сологуба, Н. Гумилёва, А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Маяковского, И. Северянина, Б. Пастернака, М. Булгакова и др. писателей и поэтов.

Городская лирика подразумевает отражение в художественном произведении городского быта, большого города, с его инфраструктурой и техникой, особенностями психики горожан, сформированной городским укладом жизни. В литературоведении под «городским текстом» понимается комплекс образов, мотивов и сюжетов, воплощающий авторскую модель городского бытия.

Изучение городской лирики В. С. Гузиева является ключом к пониманию его поэтической системы. Владимир Гузий, почти всю жизнь проживший в городе Тынде, несмотря на то, что родился не в нём, считает его родным. С Тындой поэта связывает многое: строительство БАМа, родственники, друзья, близкие по мировоззрению люди.

Материалом для выявления городских мотивов в лирике Гузиева могут послужить стихотворения «Тында», «Улица Надежды», «Тындинские поэты» и др.

На первом этапе после чтения стихотворения «Тында» предлагаем учащимся поразмышлять о его эмоциональной тональности и её источнике.

Синий сумрак плывёт над Москвою.
Пахнет жжёной листвой и покоем.
А ещё – непонятной тоскою.
И совсем уж неясно – тайгою.

«Тында» значит «тебя отпускаю»,
Есть на свете речушка такая,
А над ней – удивительный город.
Не пойму ещё сам, чем он дорог.

Не пойму, почему туда тянет...
То нахлынет, то снова отпрянет
Среди гама зелёное эхо:
«Почему ты в столицу уехал?».

Затихает Арбатская площадь...

Только в Тынде просторней и проще.
Там и люди понятнее, ближе –
Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что-нибудь знаю,
Словно к тайне земной припадаю.

Звёздный пояс повис над Москвою.
Пахнет жжёной листвой и покоем.
Я в себе целый город таскаю.
Тында всё-таки не отпускает.

В стихотворении поэт пытается понять, чем ему так дорог этот «удивительный город». Обращаемся к заглавию произведения и отмечаем, что в нём не только указано главное «действующее лицо», но нечто большее.

Оказавшись в Москве, лирический герой испытывает непонятные чувства: на улицах столицы «пахнет» «непонятной тоскою. / И совсем уж неясно – тайгою». Среди гама московских улиц герою отчётливо слышится только зелёное эхо: «Почему ты в столицу уехал?», а затихающая Арбатская площадь не вызывает у него никаких эмоций, кроме воспоминания о родном городе:

Только в Тынде просторней и проще.
Там и люди понятнее, ближе –
Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что-нибудь знаю

Лирический герой, оказавшись в столице нашей родины, осознаёт, что «Только в Тынде просторней и проще», потому что «Там и люди понятнее, ближе», которых он «в отдельности» видит и «о каждом хоть что-нибудь» знает. И герой понимает парадоксальную истину: душой он навсегда останется в городе, название которого в переводе с эвенкийского – «тебя отпускаю»:

Звёздный пояс повис над Москвою.
Пахнет жжёной листвой и покоем.
Я в себе целый город таскаю.
Тында всё-таки не отпускает.

выделяет Головки. Олег Головки – поэт, который жил и работал в городе Тынде. И это абсолютно верно, он тогда был самым заметным и популярным стихотворцем на всей протяженности строительства – от Байкала до Амура. На данном этапе уместно привести воспоминания Валерия Черкесова об Олеге Головки: «Олег Головки выделялся среди тогдашних амурских «маститых» писателей: Николая Фотьева, Александра Побожего, Игоря Еремина и других. В-первых, он был младше всех по возрасту, во-вторых, высокий, стройный, черноволосый, одет с некоторым шиком – в белой рубашке со строгим галстуком и, главное, держал себя непринужденно, общался запросто со всеми, в том числе и с нами, пока не входившими в Союз». Олег Головки – создатель тындинской литературной студии «Звено». Из тындинских поэтов Олег Головки особенно выделял юного Владимира Гузья, относился к нему поистине по-отчески. Много позже, в своих поэтических строках Гузий отблагодарил своего наставника поэтическими строчками.

Таким образом, закрепляется понятие о контексте лирики амурского поэта, который в классической пушкинской манере сплетает личные переживания с жизнью города.

В ходе урока школьникам даётся задание: выписать средства выразительности, при помощи которых Владимир Гузий создаёт образ города и горожанина.

Например: 1) эпитеты («...удивительный город»), метафоры («Я в себе целый город таскаю», «Только в Тынде просторней и прощее»); 2) олицетворения («Улица чистая! Будь осторожна. Хотя бы названье своё береги», «Ветры отчаянные снуют», «Холод отхлынет, и ветер накатит»); 3) сравнения («Тынду, как море, меж сопкок качает», «Посёлок, как ёлка, огнями увешан», «Тында всё-таки не отпускает»).

В завершении урока учащиеся приходят к выводу, что город Тында является предметом лирического вдохновения В. С. Гузья. Город в лирике Гузья выступает частью мироздания, где всё одухотворено любовью, надеждами и тревогами человека, живущего в нём.

Изучение лирики Владимира Гузья в аспекте городских мотивов с опорой на культурно-исторический и художественный контекст творчества поэта позволяет совершенствовать навыки анализа лирического произведения, активизирует познавательную деятельность учащихся, способствует развитию ассоциативного мышления и вооб-

Русские судьбы: амурские писатели *Владимир Гузий*

ражения, более глубокому постижению авторской позиции. Совокупность всего этого формирует более глубоких представлений учащих об особенностях поэтического мира В. С. Гузия.

ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. С. ГУЗИЯ

Отдельные издания

Лучшая дорога нашей жизни : закон притяжения / сост. И. Н. Гузий. – Новосибирск : Бампресс, 2014. – 172 с.

Образ действия : к 30-летию начала стр-ва БАМа : стихи. – Новосибирск : Наука, 2004. – 158 с.

Пересечение дорог : стихи. – Тында : Тындин. тип., 2004. – 162 с.

Пушкинский праздник : стихи. – Свободный : Свободн. тип., 2009. – 68 с.

Чукчуду : стихи. – Новосибирск : Наука, 2008. – 392 с.

Из публикаций в периодических изданиях и сборниках

Август : стихи // Авангард. – 1983. – 24 февр. – С. 8.

Байкал ; БВЛ ; На репетиции ; Понял к какому-то моменту... ; Я не с правыми... ; Парамский порог : стихи // БАМ. – 2004. – 21 июля. – С. 3.

Балластировка пути ; Весна на Витиме : стихи // Амур. комсомолец. – 1984. – 19 сент. – С. 4.

В который раз прощанье у дверей? ; Всё омылось, омылось : стихи // Авангард. – 1983. – 20 авг. – С. 3.

В низовьях верхней Ангары ; Праздник ; Первая калитка : стихи // Приамурье-2003 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2003. – № 6 (24). – С. 8–10.

В сталинградской степи : стихи // Авангард. – 1977. – 27 авг. – С. 3.

Вернуться по кругу! : стихи // Приамурье-2008 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2008. – № 8 (№ 26). – С. 165–171. – Содерж.: Я ручей перепрыгнул и замер... ; Чукчуду ; Провинция в себя погружена... ; На перевале ; На ручье нарзанном ; День брусники ; Осень на Быссе ; Дорога Чара-Чина ; Глядя на звёзды.

Вечер в Икабье : стихи // Приамурье-2005 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2005. – № 7 (25). – С. 25–26.

Возвращение в город : стихи // Знамя. – 1978. – № 10. – С. 120–121.

Возле Беркакита ; Я не с правыми... : стихи // БАМ. – 2004. – 7 июля. – С. 4.

Возле Могота ; Танцы : стихи // БАМ. – 1975. – 11 сент. – С. 4. – Содерж.:

Возле Могота : стихи // Приамурье моё – 1975 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1975. – С. 8.

Вокзал для своих : фельетон // БАМ. – 1994. – 13 мая. – С. 2.

8 сентября 1980 : Из дорожной тетради // Авангард. – 1981. – 28 июля. – С. 3.

8 сентября 1980 года ; Лёшка-изыскатель : стихи // Амур. комсомолец. – 1981. – 19 июля. – С. 2.

Вот и всё... : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 20 февр. – С. 1.

Где время пустующее – мелко... : стихи // БАМ. – 1980. – 5 сент. – С. 4.

Геолог : стихи // Авангард. – 1982. – 6 марта. – С. 4.

Глухариный подсолнух : стихи // Амур. правда. – 1979. – 18 марта. – С. 3.

Город! Это же было! : стихи // Огонь на вечной мерзлоте. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1982. – С. 195.

Днёвка ; Учительница истории ; Осталась только кинобудка ; У озера Большое Леприндо ; Слова имеют свойство воплощаться : стихи // Дал. Восток. – 2009. – № 4. – С. 72–76.

Дорога на Кодар : стихи // Радуга : поэзия : сборник. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. – С. 274–286. – Содерж.: Дорога на Кодар ; Шофёр Владимир Дойков ; Пластинка Брамса ; Изыскатели ; Прощание с общежитием ; Весна на Витиме ; Черёмуха ; Я слышу твой голос в раю... ; Вся душа чистым снегом омылась... ; Мне стены города тесны... ; Памяти художника ; Деревня ; На плоту ; Облетает багульник. Проходят дожди... ; Чарская долина

Закон притяженья : стихи // Дал. Восток. – 1987. – № 11. – С. 9.

Звёздный ; Пушкинский праздник в Тынде ; Тындинские поэты : стихи // Кадры – селу. – 2004. – 8 сент. – С. 8.

Звёздный-94 ; Лучшую дорогу нашей жизни... ; Улица Надежды ; Чукчуду ; Вечер в Икабье ; Дорога Чара – Чина ; Утро в палатке ; Прощание с Чарской долиной ; Тындинские поэты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=292530>.

Золото добра : стихи // КВИН. – 2004. – 22 янв. – С. 3. – Содерж.: Золото добра ; Попутчик ; Скамья ; Липа цветёт.

Извините за задержку, товарищ редактор...: стихи // БАМ. – 1983. – 1 июля. – С. 4.

Как жизнь таежная проста... : стихи // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. – С. 8. – Содерж.: Золото добра ; Попутчик ; Как жизнь таежная проста... ; Что ж вы, граждане из Каррары... ; Стезя ; Скамья (сыновьям Антоше и Володе) ; Липа цветёт ; Провинция в себя погружена... ; Словно тайно держу берданку...

Калина вызрела : стихи // БАМ. – 1977. – 18 нояб. – С. 3.

Когда разливается дикий Могот... ; Шофёр Владимир Дойков ; Подушка ; Последнее звено // Смена. – 2008. – 13 авг. – С. 13.

Монолог десантника, вернувшегося из Чечни : (воспоминание о будущем) : стихи // БАМ. – 1995. – 13 янв. – С. 1.

Мы построили красивую дорогу, самую железную в стране... : стихи // КВИН. – 2004. – 22 апр. – С. 3. – Содерж.: Разъезд Балбухта ; Первая калитка ; Встреча с Северобайкальском ; Вечер в Икабье.

На полдороге, на переправе... ; Северомуйский тоннель : стихи // БАМ. – 1980. – 24 дек. – С. 4.

На просеке : стихи // Амур. правда. – 1977. – 4 янв. – С. 4.

На Якутском вырос памятник... : стихи // БАМ. – 1976. – 5 нояб. – С. 3.

Не запрещения и не интриги... : стихи // Проспект Пушкина. – 2005. – 29 янв. – С. 2.

Не расстанусь с комсомолом [Электронный ресурс] : [отрывки из статьи]. – Режим доступа: <http://grafomanam.net/works/281667>.

Невеликая это услада... ; Памяти Бориса Слуцкого // Амур. комсомолец. – 1988. – 30 апр. – С. 4–5.

Негр по имени Мефодий : рассказ / В. Гузий // БАМ. – 1995. – 31 марта. – С. 8

Ни тротуаров, ни кюветов... : стихи // Амур. звезда. – 1995. – 16 сент. – С. 5.

Однажды, десять лет спустя... : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 20 февр. – С. 4.

От работы качаясь по-флотски... ; Не запрещения и не интриги... // БАМ. – 1994. – 22 янв. – С. 7.

От составителя // Золотое звено : стихи поэтов БАМа / ред.-сост. В. Гузий. – Тында : Тындин. тип., 1999. – С. 3–4.

Отражение ; Шофёр Владимир Дойков ; Закон притяжения : стихи // Приамурье моё – 1977 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1977. – С. 174–176.

Памяти Бориса Слуцкого : стихи // Амур. комсомолец. – 1988. – 30 апр. – С. 4.

Память : стихи // Авангард. – 1982. – 8 мая. – С. 2.

Первая калитка ; Пластинка Брамса ; Пирог ; Весна на Витиме ;
Последнее звено ; Вечер в Икабье ; Пушкинский праздник в Тынде ;
Разъезд Балбухта : стихи // Цветы багульника : сб. стихов о БАМе /
сост. В. Гузий. – Новосибирск, 2004. – С. 62–72.

Первооткрыватели : стихи // Авангард. – 1976. – 15 июня. – С. 3.

Перед праздником ; Разъезд Балбухта : стихи // КВИН. – 2004. –
30 сент. – С. 4.

Переправа : стихи // Авангард. – 1982. – 14 авг. – С. 3.

Перечитывая Ельцина : публицист. ст. // Амур. правда. – 1996. –
1 июня. – С. 4.

Письмо : стихи // Авангард. – 1976. – 15 апр. – С. 2.

Пластинка Брамса ; А здесь небеса с серебристым отливом ... :
стихи // Амур. комсомолец. – 1979. – 3 июня. – С. 3.

Подражание фольклору : стихи // Авангард. – 1978. – 10 окт. – С. 3.

Последнее звено : стихи // Амур. правда. – 2004. – 18 дек. – С. 3.

Последнее звено : стихи // БАМ. – 2014. – 2 июля (№ 27). – С. 1.

Последнее звено : стихи // Дал. Восток. – 1984. – № 10. – С. 12.

Последнее звено ; Тында ; Пластинка Брамса ; Шофер Владимир
Дойков : стихи // Стыковка : сб. стихов поэтов-строителей БАМа /
сост. В. Г. Бирюков ; предисл. О. Н. Шестинского. – Москва : Моло-
дая гвардия, 1984. – С. 19–22.

Последнее звено ; Улица Надежды ; Тындинские поэты ; Чукчу-
ду ; Вечер в Икабье ; Дорога Чара-Чина ; Утро в палатке ; Прощание
с Чарской долиной [Электронный ресурс] : стихи. – Режим доступа:
<http://grafomanam.net/works/281667>.

Поэт о поэте. «На душе светлым-светло...» [Электронный ресурс] :
статья о жизни и творчестве Т. Шульги. – Режим доступа: [http://
zbstynda.ru/stati/-vzroslela-stroila-lyubila-i-net-teper-zemli-rodnei.html](http://zbstynda.ru/stati/-vzroslela-stroila-lyubila-i-net-teper-zemli-rodnei.html).

Поэты в панике – в поэзии закат... : стихи // Проспект Пушкина.
– 2005. – 29 янв. – С. 2.

Праздник : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 28 окт. – С. 4.

Притяжение ; Улица Надежды ; Пирог ; Весна на Витиме ; Ба-
лансировка пути ; Последнее звено ; Вечер в Икабье ; Звёздный-94 ;
Я шёл двадцать лет, а пришёл к бездорожью... ; Разъезд Балбухта ;
Рабочий поэт (памяти В. Яганова) ; На базе геологов ; Прощание
с Чарской долиной [Электронный ресурс] : стихи. – Режим доступа:
<http://nikolaylobanov.com/Guziy.htm>.

Притяжение ; Щемящее чувство дороги ; По шпалам ; Золотинские звезды ; В таёжном посёлке : стихи // БАМ. – 1976. – 4 июня. – С. 4.

Продолжение : стихи // БАМ. – 1976. – 30 янв. – С. 4.

Проснёшься растерянно серою ночью... : стихи // Амур. комсомолец. – 1979. – 13 июня. – С. 3.

Простота : стихи // БАМ. – 1975. – 5 дек. – С. 4.

Прощание с общежитием ; Звёздный ; Прииск ; Байкал : стихи // Авангард. – 1980. – 26 янв. – С. 3.

Пушкин и вечно, и снова : статья : [о пушкинском празднике в г. Тынде] // БАМ. – 1992. – 12 июня. – С. 8.

Работа : стихи // БАМ. – 1975. – 31 окт. – С. 4.

Разводим снова костер кудлатый... ; Чара : стихи // Авангард. – 1981. – 22 янв. – С. 4.

Разъезд Балбухта [Электронный ресурс] : стихи. – Режим доступа: <http://nikolaylobanov.com/Guziy.htm>.

Рубят березы ; В атаке : стихи // Авангард. – 1976. – 26 июня. – С. 3.

Свечи : стихи // Амур. правда. – 1978. – 16 дек. – С. 4.

Слова имеют свойство воплощаться... : стихи // Дал. Восток. – 2009. – № 4. – С. 72–76.

Снег стоит, как берёзовый лес... ; Наверно, есть же тайный знак... : стихи // БАМ. – 1983. – 29 апр. – С. 4.

Сонет ; Памяти художника ; Больше вы меня не извините... : стихи // Авангард. – 1983. – 9 апр. – С. 3.

Сопка Фестивальная ; Учения ; Вид сверху ; Эхо ; Дело ; Джоконда : стихи // БАМ. – 1978. – 18 окт. – С. 4.

Сталинградские холмы : стихи // БАМ. – 1977. – 26 нояб. – С. 4.

Стихи о стихах ; Наверно, есть же тайный знак...; Буровая ; Сюльбан ; Мои волосы пахнут дымом...; Снег стоит, как берёзовый лес : стихи // Авангард. – 1983. – 30 апр. – С. 4.

Суметь бы ; Изыскатели ; Какой художник передаст... : стихи // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 174.

Суметь бы ; Тында ; Попробуйте : стихи // Амур. комсомолец. – 1977. – 9 янв. – С. 4.

Тында : стихи // Амур. комсомолец. – 1985. – 25 янв. – С. 3.

Тында ; Слова имеют свойство воплощаться... ; Новости ; Виталию Лукашенко ; Жанне Ржевской ; В разлуке ; Памяти художника [Электронный ресурс] : стихи. – Режим доступа: <http://www.gudok.ru/zdr/171/?ID=592107>.

Тында ; К возвращению : стихи // Вдохновение : сб. произведений участников лит. об-ний страны / сост. Ю. Лопусов ; предисл. Г. М. Маркова. – Москва : Молодая гвардия, 1979. – С. 28.

Тында ; Пластинка Брамса ; Переправа ; Весна на Витиме ; Последнее звено ; Звёздный-94 ; Тында-97 // Золотое звено : стихи поэтов БАМ / сост. В. Гузий. – Тында : Тындин. тип., 1999. – С. 96–103.

Угол : стихи // Амур. комсомолец. – 1977. – 20 марта. – С. 4.

Угольный карьер : стихи // БАМ. – 1980. – 11 янв. – С. 4.

Улица Надежды : стихи // Авангард. – 1977. – 6 сент. – С. 3.

Чара : стихи // Амур. комсомолец. – 1983. – 4 марта. – С. 3.

Человек средневековья ; Не запрещения и не интриг... ; Рябина : стихи // БАМ. – 1988. – 13 мая. – С. 4.

Черёмуха ; Дорогой мой реставратор... : стихи // Авангард. – 1979. – 17 февр. – С. 3.

Чёртово ущелье : стихи // Авангард. – 1982. – 6 нояб. – С. 4.

Шофёр Владимир Дойков ; Слагаются песни ; Обыватели ; Это надо почувствовать ; Суметь бы : стихи // БАМ. – 1976. – 20 февр. – С. 4.

Это надо почувствовать ; Возвращение в город ; Я взираю на БАМ изнутри... : стихи // БАМ. – 1976. – 5 нояб. – С. 4.

Я ручей перепрыгнул и замер... ; В низовьях Верхней Ангары ; Праздник ; Чукчуду ; Первая калитка ; Татарник ; Пирог ; Горная смородина ; На перевале ; Провинция в себя погружена... : стихи // Приамурье-2003 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2003. – № 6 (24). – С. 8–10.

Ясновидец Пантелеймон : рассказ // БАМ. – 1995. – 14 июля. – С. 8.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. С. ГУЗИЯ

Андреев, Л. «Я дорогу потрогал руками» : о молодых поэтах БАМа : [о поэте В. Гузии] / Л. Андреев // Амур. комсомолец. – 1977. – 9 янв. – С. 2–3.

БАМ не отпускает : [стихи В. Лукашенко памяти В. Гузия] // БАМ. – 2014. – 30 апр. – С. 23. – Содерж.: Мой телефон вдруг зазвонил под вечер... ; Я под крик петухов спозаранок... ; Ответ другу ; Я живу за городом, на даче...

Бобошко, А. Поэт из Тынды Владимир Гузий принят в творческий союз / А. Бобошко // Амур. правда. – 2004. – 18 дек. – С. 3.

Бобошко, А. Пушкинский праздник : вышла новая кн. В. Гузия : [о кн. стихов «Пушкинский праздник» В. Гузия] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2009. – 11 дек. – С. 3.

Бобошко, А. Романтик Владимир Гузий стал почётным жителем Тынды / А. Бобошко // Амур. правда. – 2005. – 8 окт. – С. 3.

Бобошко, А. Романтик Владимир Гузий стал почётным жителем Тынды [Электронный ресурс] / А. Бобошко. – Режим доступа: <https://www.ampravda.ru/2005/10/08/07068.html>.

Борзунова, С. Владимира Гузия приняли в Союз писателей / С. Борзунова // Комсом. правда. – 2004. – 30 нояб. – Прил.: с. 7. – (Комсомольская правда в Приамурье).

В Тынде увековечили память бамовского поэта [Электронный ресурс] : [об открытии мемориал. доски бамов. поэту и журналисту В. С. Гузию в г. Тынде]. – Режим доступа: <http://www.amur.info/news/2010/09/17/13.htm>.

В Тынде увековечили память бамовского поэта [Электронный ресурс] : [об открытии мемориал. доски бамов. поэту и журналисту В. С. Гузию в г. Тынде]. – Режим доступа: <https://www.blagoveshensk.ru/news/society/19192/>.

В Тынде увековечили память журналиста [Электронный ресурс] : [об открытии мемориал. доски бамов. поэту и журналисту В. С. Гузию в г. Тынде]. – Режим доступа: <https://vostokmedia.com/news/culture/21-09-2010/v-tynde-uvekovechili-pamyat-zhurnalista>.

Васильева, А. «Апрель порой смертелен для поэтов...» : [о торжеств. вечере, посвящ. памяти В. Гузия, члена Союза писателей Рос-

сии, почёт. жителя г. Тынды, прошедшем в город. б-ке] / А. Васильева // Авангард. – 2010. – 20 апр. – С. 1–2.

Вечер памяти Владимира Гузиева [Электронный ресурс] : [26 апр. в гор. б-ке состоялся вечер памяти «Может быть, когда-нибудь вернусь...», посвящ. В. Гузию]. – Режим доступа: <http://zbstynda.ru/opyt-raboty/vecher-ramjati-vladimira-guzija.html>.

Владимир Гузий : «Нам за молодость не стыдно...» : [к 50-летию амур. поэта В. Гузиева] : интервью с писателем / провёл Г. Астахов // Тындин. экспресс. – 2006. – № 2. – (февр.). – С. 4.

Владимир Гузий – поэт и человек [Электронный ресурс] : [биография В. Гузиева]. – Режим доступа: <http://nikolaylobanov.com/Guziy.htm>.

Вот и всё... : памяти В. С. Гузиева : статья / И. М. Шестак, В. В. Мигунов, В. Н. Задоя, В. Н. Пьянов, А.П. Ищенко, В.И. Красноплёров // БАМ. – 2009. – 22 апр. – С. 1.

Головкин, О. Книжку пишет рабочий : [о поэте В. Гузию] // Огонь на вечной мерзлоте. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1982. – С. 305–306.

Гузий Владимир Свиридович [Электронный ресурс] : [биография В. Гузиева]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Гузий Владимир Свиридович [Электронный ресурс] : [биография В. Гузиева]. – Режим доступа: http://famous-birthdays.ru/data/24_dekabrya/guzij_vladimir_sviridovich.html.

21 число счастливое : [В. Гузий – член Союза писателей России] // Проспект Пушкина. – 2005. – 29 янв. – С. 2.

Ермаков, М. В Тынде можно приобрести книгу стихов Владимира Гузиева [Электронный ресурс] / М. Ермаков. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/news/media/2014/7/23/v-tyinde-mozhno-priobresti-knigu-stihov-vladimira-guziya/>.

Ермаков, М. В Тынде открыли мемориальную доску бамовскому поэту [Электронный ресурс] / М. Ермаков. – Режим доступа: <http://www.newparlament.ru/news/view/2590>.

Ермаков, М. «Грусть свою я от друзей не скрою...» : [об открытии мемориал. доски бамов. поэту и журналисту В. С. Гузию в г. Тынде] / М. Ермаков // БАМ. – 2010. – 22 сент. – С. 4.

Ермаков, М. Не отменить полёт : [о вечере памяти поэта и журналиста В. С. Гузиева, прошедшем в город. б-ке г. Тынды] / М. Ермаков // БАМ. – 2010. – 28 апр. – С. 5.

Зеленкова И. А. Поэты БАМа : [есть о В. Гузии] // Амур. краевед : информ. вестн. – 1997. – № 1 (14). – С. 70–75.

Игнатенко, И. Дорога без конца : [о творчестве В. Гузия] / И. Игнатенко // Амур. дилижанс. – 2009. – 2 дек. (№ 48). – С. 7 ; 9 дек. (№ 49). – С. 7.

Игнатенко, И. Дорога без конца : [о творчестве В. Гузия] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 379–386.

Игнатенко, И. Д. Постоянство непохожести : [о творчестве В. Гузия] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 367–369.

Игнатенко, И. Д. Постоянство непохожести : книги поэтов БАМа : [о «Образ действия» : о творчестве В. Гузия] / И. Д. Игнатенко // Приамурье-2005 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2005. – № 7 (25). – С. 18–19.

Котельникова, И. Владимиру Гузию посвящается... : [Электронный ресурс] : [эссе] / И. Котельникова. – Режим доступа: <http://grafomanam.net/works/281667>.

Лукашенко, В. Мой телефон вдруг зазвонил под вечер... (Владимиру Гузию) [Электронный ресурс] : стихи / В. Лукашенко. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/media/2014/5/2/poet-vladimir-sviridovich-guzij-ushyol-iz-zhizni-pyat-let-nazad-13-aprelya-2009-goda-na-pashalnoj/>.

Лукашенко, В. Поэт Владимир Гузий [Электронный ресурс] / В. Лукашенко. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/media/2014/5/2/poet-vladimir-sviridovich-guzij-ushyol-iz-zhizni-pyat-let-nazad-13-aprelya-2009-goda-na-pashalnoj/>.

Малоизвестные поэты. Владимир Гузий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=292530>.

Марута, К. Герой земли амурской : [об амур. поэте В. Гузии] / К. Марута // БАМ. – 2012. – 2 мая – С. 15.

Масленникова, Г. 24 января бамовскому поэту, прозаику Владимиру Гузию исполнилось бы 60 лет / Г. Масленникова // БАМ. – 2016. – 27 янв. – С. 1.

Масленникова, Г. 24 января бамовскому поэту, прозаику Владимиру Гузию исполнилось бы 60 лет [Электронный ресурс] / Г. Масленникова. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/>

media/2016/1/30/24-yanvary-a-bamovskomu-poetu-prozaiku-vladimiru-guziyu-ispolnilos-byi-60-let/.

Назарова, И. [О книге Гузия В. «Чукчуду»] / И. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2009. – № 8. – С. 77–79. – (Книжная лавка).

Назарова, И. [О сборнике стихов Гузий В.С. «Пушкинский праздник»] / И. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2010. – № 9. – С. 85–86. – (Книжная лавка).

Назарова, И. С. Бамовская нота в литературе Приамурья. Ч. I. Как всё начиналось: О «Звене», Пушкинском празднике и прочих культурных событиях на БАМе : [есть о В. Гузии] / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2012 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. – Вып. 5. – С. 78–84.

Назарова, И. С. Гузий Владимир Свиридович : [биогр. справка и список лит.] // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 120–123.

Назарова, И. С. Интонационно-ритмическое своеобразие поэзии В. Гузия / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 128–138.

Назарова, И. С. «Лагерный пепел, в окно залетая, в сердце моё всё стучит и стучит...» : поэты БАМа об узниках БАМа / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2016 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2016. – Вып. 9. – С. 26–36.

Назарова, И. С. «России первое светило...» : образ А.С. Пушкина в бамов. поэзии / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2016 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2017. – Вып. 10. – С. 62–79.

Омельченко, Н. На смерть поэта : [В. Гузия] / Н. Омельченко // БАМ. – 2009. – 6 мая. – С. 3.

Память : [о вечере памяти В. Гузия в Тынд. городской б-ке] // БАМ. – 2014. – 30 мая. – С. 23.

Писать о жизни – главная задача [Электронный ресурс] : [о В. Гузии]. – Режим доступа: <http://www.gudok.ru/zdr/171/?ID=592107>.

Поэт из Тынды Владимир Гузий принят в творческий союз // Амур. правда. – 2004. – 18 дек. – Прил.: с. 3. – (Глагол).

Поэт Владимир Свиридович Гузий ушёл из жизни пять лет назад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/>

articles/media/2014/5/2/poet-vladimir-sviridovich-guzij-ushyol-iz-zhizni-
pyat-let-nazad-13-aprelya-2009-goda-na-pashalnoj/.

Рябов, Е. Разговор с поэтом : [стихи, посвящённые В. Гузию] /
Е. Рябов // Авангард. – 2010. – 30 апр. – С. 2.

Томилко, И. Поэт, драматург, романтик : [о В. Гузие] / И. То-
милко // Просто газета. – 2009. – 23 дек. – С. 2.

Увековечили память : [об открытии мемориал. доски в г. Тынде поэту
и журналисту В. С. Гузию; фото] // КВИН. – 2010. – 23 сент. – С. 2.

Черкесов, В. Лучшая дорога нашей жизни / В. Черкесов // Сме-
на. – 2008. – 13 авг. – С. 13.

Черкесов, В. Строчка в биографию страны [Электронный ре-
сурс] : статья [есть о В. Гузии]. – Режим доступа: [http://
www.slovoart.ru/node/2324](http://www.slovoart.ru/node/2324).

Шестак, И. Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений! :
статья / И. Шестак // БАМ. – 1993. – 4 июня. – С. 6.

Шестак, И. М. Памяти В. С. Гузия : стихи // БАМ. – 2010. –
22 сент. – С. 4.

Шестак, И. Пушкинский праздник : статья / И. Шестак // БАМ.
– 1979. 8 июня. – С. 4.

Шульга, Т. Без автографа... : [о жизни и творчестве В.С. Гузия
и его послед. кн. «Пушкинский праздник»] / Т. Шульга // БАМ. –
2009. – 9 дек. – С. 1.

Шульга, Т. Памяти Владимира Гузия : стихи / Т. Шульга // БАМ.
– 2009. – 22 апр. – С. 1.